

ПРОРЫВ

№ 53

(№ 2 2017)

май 2017

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**



читайте

В ЭТОМ НОМЕРЕ

В. Подгузов

МОЖНО ЛИ
КОММУНИСТАМ ИДТИ
ВПЕРЕД, СТЕСНЯЯСЬ
СЛОВА КОММУНИЗМ?

ЧАСТЬ 2

СТР. 2 - 13

О. Петрова

ТЕЗИСЫ
О НАУЧНОМ
ЦЕНТРАЛИЗМЕ
И ВОЖДЯХ

СТР. 14 - 17

Н. Федотов

ОПЫТ КРИТИКИ
АНТИНАУЧНОЙ
ФАКТОЛОГИИ
ЛИБЕРАЛИЗМА

ЧАСТЬ 4. ДИАЛЕКТИКА ФАКТА

СТР. 18 - 32

А. Редин и И. Якилус

ВНОВЬ О
«ПАТРИОТИЧЕСКОМ
ПОВОРОТЕ» СТАЛИНА

СТР. 33 - 41

И. Советский

ЛЕНОСТЬ УМА,
КАК ПОЧВА ДЛЯ
ОПОРТУНИЗМА

СТР. 42 - 47

В. Новак

ПРОЧЬ
УНЫНИЕ

СТР. 48 - 53

МОЖНО ЛИ КОММУНИСТАМ ИДТИ ВПЕРЁД, СТЕСНЯЯСЬ СЛОВА КОММУНИЗМ?

Продолжение. Начало в № 52¹

Валерий ПОДГУЗОВ

О ТОМ, КАК ТРОЦКИСТЫ ИГНОРИРУЮТ ПОБЕДОНОСНЫЙ ОПЫТ ПЕРВЫХ 35 ЛЕТ ПРАКТИКИ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА В СССР

Нетрудно представить, уважаемые читатели, сколь скромными были бы достижения современных физиков «ядерщиков», если бы они никогда не обращали свои взоры на объективную материальную реальность, а лишь исследовали гениальные труды своих предшественников, например, Ньютона и пытались бы на этой основе развивать практические ядерные технологии.

Но, если в физике противопоставление теории и практики, пожалуй, почти преодолено (хотя, большим почетом, по-прежнему, пользуется тезис о главенстве эксперимента и несколько односторонне понимается тезис о практике как критерии истины), то в социуме огромные пласты общественной практики не имеют никакой серьёз-

ной связи с научной теорией. Одна из причин такого положения вещей состоит в господстве буржуазного плюрализма в информационной политике всех либерально-демократических режимов, поэтому, даже, читающей интеллигенции трудно разобраться, какая из озвученных теорий научна. Если верить предвыборным оценкам, данным друг другу всеми кандидатами в президенты развитых рыночных стран, то они поголовно воры, мошенники, распутники, профаны и даже просто дураки. Поэтому современные политики-практики брали и берут себе в советники теоретиков: профессоров и докторов «наук» типа Макнамары, Киссинджера, Бжезинского, Фридмана, гадалок, экстрасенсов... В результате подобной кадровой гибридизации, как и следовало ожидать, мы имеем кризисы, терроризм, войны в нарастающем объёме.

К сожалению, и многие левые, слабо владеющие диалектикой, не понимают, что сама научно-теоретическая работа уже является видом общественной практики, причем, наиболее эффективной в деле превращения прямоходящего млекопитающего в Человека. В этом смысле, научно-теоретическая форма общественной практики остаётся недооценённой в широких слоях интеллигенции. Отчасти, легкомыслие масс

1. Первую часть статьи В. Подгузова «Можно ли коммунистам идти вперёд, стесняясь слова коммунизм?» читайте в «Прорыве» №1 (52) 2017 (<http://proriv.ru/articles.shtml/podguzov?kommunizm52>).

и консерватизм социальных практиков по отношению к научной теории объясняется тем обстоятельством, что научно-теоретическая форма человеческой практики, во-первых, сложна, трудоёмка и хроноёмка в освоении, а во-вторых, возможна лишь тогда, когда индивид уже окончательно решил для себя проблему удовлетворения своих разумных биологических и социальных потребностей, когда ему уже не угрожает смерть от голода и гипотермии, когда общественные достижения в производстве средств существования обеспечивают, хотя бы отдельным индивидам, **достаточное** количество сытого и свободного времени, которое позволяет заняться вопросами теории общественного развития.

Непосредственно социально-производственная и научно-теоретическая формы общественной практики соотносятся как **достаточные** и **необходимые**, но прогресс в деле очеловечивания стада прямоходящих млекопитающих имеет место лишь в силу развития **необходимой** формы человеческой практики, т.е. научной теории.

Общественная практика, как известно, в обычном смысле слова, глупа, если она не освящена научной теорией, но голая теория, как и сами голые теоретики, без результатов в производственной практике – не только голодны, но и мертвы.

Современные первобытные племена, проживающие до сих пор в Африке, Южной Америке, в центральных частях Австралии, последние несколько тысяч лет не демонстрируют ни малейшего прогресса в социальном развитии именно потому, что не имеют письменности, т.е. не обладают средствами фиксации изменений в опыте предшествующих поколений, следовательно, лишены важных субъективных предпосылок для развития теоретической формы своей культуры и прогресса в социальной практике.

Другая крайность - Аристотель, немало интересного привнесший в теорию научного мышления, противопоставлял теорию и практику, считая позорным уподобляться рабу и производить практические опыты с предметами. Он, автор «Метафизики», считал, например, что, чем тяжелее тело, тем оно сильнее давит на руку и, «следовательно», тем быстрее это тело будет лететь к поверхности Земли, если убрать руку. Казалось бы, возьми и проверь. Но некоторые уровни учености, в точном соответствии с диалектикой, будучи достоинством, легко превращаются в недостаток, в повод для чванства.

Иными словами, весьма абсурдно, будучи

сторонником социального прогресса, противопоставлять теорию и практику. Разумеется, теория и практика диалектически противоположны, но их единство, тождество, борьба и порожают не просто развитие, а именно **прогресс** во всех областях человеческого бытия. Это положение является наиболее общим, и не будет преувеличением, если сказать, обязательным пунктом теории и практики марксизма.

Поэтому, по меньшей мере, удивительно, что значительное число лиц, примеряющих на себя звание марксистов, в вопросах социализма игнорируют, прежде всего, **ПОБЕДОНОСНУЮ практику** трёх первых десятилетий истории первой фазы коммунизма в СССР.

Сегодня в критике ленинского и сталинского периодов истории СССР усердствуют лица, некогда состоявшие, например, в «Демократической платформе в КПСС», в «Марксистской платформе в КПСС», заявляющие, что в вопросах теории и практики они **всегда** стояли на позициях Троцкого, и до сих пор считают, что СССР рухнул именно потому, что Ленин и Сталин осуществляли практику строительства коммунизма в СССР не в русле троцкистских предписаний.

Становится предсказуемым ответ на вопрос, могли ли подобные члены КПСС привнести в строительство «неправильного», не троцкистского социализма, что-либо конструктивное? Ясно, что, «работая» на своих служебных и партийных должностях в СССР, например, в эпоху Брежнева, эти члены партии не могли быть активными строителями коммунизма, поскольку его реальная модель была «не той» которую предпочитали они, а потому и явно, и скрыто, но мельче, чем, например В.Андропов, А.Яковлев или Е.Гайдар, они саботировали любые решения, направленные на построение «неправильного» коммунизма, вплоть до победы... капитализма в СССР.

По крайней мере, большинство руководителей, так называемой, «Марксистской платформы в КПСС» (Бузгалин, Колганов, Пригарин, Крючков), были настолько погружены в тему «ошибок» Ленина и Сталина, в защиту троцкизма, воспевание «социалистического» хозрасчёта, что и не собирались подступать в теории к проблеме становления собственно коммунистических производственных отношений на первой фазе коммунизма.

И до сих пор, несмотря на то, что современное мировое коммунистическое движение испытывает гигантское **внешнее** давление со стороны мирового олигархитета и их PR-холопов, а

также нацистов и клерикалов всех наций и конфессий, несмотря на то, что основными объектами нападок откровенных фашистов являются, как раз, фигуры Ленина и Сталина, «марксисты» троцкистского разлива в этом вопросе ведут **внутри** современного коммунистического движения, в том числе и в РФ, антиленинскую, но больше всего, антисталинскую пропаганду, по категоричности нападок не уступая Геббельсу, Познеру, Новодворской, Сванидзе, Шендеровичу и Солженицыну, фактически, повторяя все их бредни об эпохе свершений, осуществлённых под руководством Сталина.

Точно так, как империалисты всего мира не могут простить Сталину его Победу в 1945 году над мировым фашизмом, современные троцкисты не могут забыть поражение, которое потерпели их вожди от Сталина в 36-38 годах прошлого столетия, после которого смогли вновь заявить о себе лишь ближе к 1991 году.

В результате, вопрос о социализме в российском коммунистическом движении превратился, даже, не в «бутылочное горлышко» теории, а в теоретическую затычку, тормозящую научную разработку и пропаганду идей о высшей фазе коммунизма. Практически все, заявившие о себе как левые, теоретики, сегодня, если не спорят о «режиме Путина», о проведении очередной избирательной кампании, о положении на Украине, в Крыму, ДНР и ЛНР, то спорят об ошибках «сталинского социализма», фантазируя на тему, каким должен быть социализм «на самом деле».

В результате, в ответ на призыв «Прорыва» заняться научными проблемами построения собственно коммунизма, нам отвечают молчанием, «простынями» троцкизма или мифами утопического социализма времён Оуэна, приговаривая с интонациями матёрых прагматиков: «Нам, хотя бы, социализм построить...», и только после этого, дескать, можно будет начать разговор и о коммунизме.

А поскольку, как всегда, нет пророков коммунизма в своём отечестве, то, в последних числах марта 2017, в Санкт-Петербурге, в «доме Плеханова», говорят, что состоялась лекция заезжего американского профессора, Давида Лайбмана на тему: «О социализме и социалистическом планировании». В рекламе лекции было сказано, что... о коммунизме разговора не будет. Дескать, время терпит. И это происходит на Ро-

дине Великого Октября в столетний его юбилей. Ещё в 2013 году Лайбман писал:

«Я хотел бы встать под знамена стадийного подхода и вновь подтвердить его значимость и актуальность. А именно, я предлагаю модель посткапиталистического развития, состоящего из трех стадий, которые можно «в рабочем порядке» обозначить следующим образом: (1) «социализм-предтеча» (precursor socialism); (2) зрелый социализм; (3) полный (завершённый) коммунизм. В этой статье меня будут интересовать первые две стадии; теорию же полного коммунизма отложим для следующих работ.»²

Скромненько, но со вкусом: «Я предлагаю...». Как видим, и тогда в 2013 году, и сегодня 2017 году докладчик предлагает слушателям отложить разговор о коммунизме на совершенно неопределённый срок. И они дисциплинированно откладывают и будут ждать, когда из Америки им разрешат начать этот разговор. Лайбмана не смущает и то, что он пошел по самому спекулятивному из всех возможных методологических путей, не имеющих ничего общего с марксистской постановкой вопроса.

В чем главный порок «логики» Лайбмана и его поклонников?

Можно ли представить себе зрелый социализм, в котором нет «ни грамма» коммунизма? Абсурд. А если элементы коммунизма всё-таки присутствуют в зрелом социализме, то, как это можно обойти в лекции о зрелом социализме и, главное, зачем? Только для того, чтобы все, поверившие в эти бредни, всю оставшуюся историю строили на практике «зрелый» социализм, в котором нет ни капли коммунизма? Что, Америка «нам» в этом опять «поможет», как и в 1991?

ДИНАМИКА СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА И ОБЩЕСТВЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Чтобы научно, с евклидовой неотвратимостью, обосновать объективную решаемость за-

2. Дэвид Лайбман. «Зрелый социализм: структура, предпосылки, переходные периоды» Журнальный клуб Интелпрос » Альтернативы» №1, 2013 (<http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a1-2013/19022-zrelyy-socializm-struktura-predposylki-perehodnye-periody.html>)

дач, стоящих перед коммунистами, собирающимися, действительно, построить коммунизм, необходимо владеть, как минимум, методологической стороной учения Маркса о **способе производства** и об общественно-экономической **формации**. Нужно понять, как и какие научные задачи Маркс решал с их помощью, и что дает исследователю понимание коммунизма или капитализма как способов производства и как общественных формаций.

Категория «**способ производства**» была принята Марксом для обозначения диалектического единства конкретного исторического уровня развития **производительных сил общества** и соответствующих им **производственных отношений**.

Категорию «**общественно-экономическая формация**» Маркс обосновал для обозначения конкретно-исторического единства ГОСПОДСТВУЮЩЕГО вида **производственных отношений (базис)** и соответствующей этому базису **надстройки**, т.е. политических и идеологических организаций, учреждений и отношений, прежде всего, господствующего класса, не игнорируя, разумеется, наличие идей, отношений и организаций эксплуатируемых классов и прослоек.

Такой подход продиктован диалектикой объективной истории, поскольку **первичным** для всех исторических общественных трансформаций является процесс НЕПРЕРЫВНОГО, хотя и неравномерного, развития **производительных сил** общества, и тем, что именно это развитие, его неравномерность приводят к скачкам, к периодическим сменам **способов** воспроизводства и материальных благ, и самого общества.

Но поскольку в истории не может быть так, чтобы любое новое средство производства в одночасье становилось достоянием всего общества, чтобы все производители и сразу осваивали новые формы производственных **отношений**, постольку в каждом крупном регионе, в каждом крупном этносе, в каждом крупном историческом отрезке времени общественное бытие представлено многоукладностью, т.е. множеством уровней развития производительных сил и множеством форм производственных отношений, наиболее многочисленные из которых образуют **господствующий** способ производства. Т.е., в общественной жизни каждого крупного субъекта международных отношений

присутствуют элементы и отмирающего, и нарождающегося способа производства. Например, капитализм Англии, Франции, США сотнями лет «мирился» (и не краснел) с самыми разнужданными формами рабовладения и работорговли.

Таким образом, с методологической точки зрения, категория «способ производства» делает возможным рассматривать любой момент всемирной истории человечества, как набор **РАЗЛИЧНЫХ** укладов, сосуществующих и борющихся одновременно, как в планетарном масштабе, так и в рамках отдельных стран. Т.е., на практике никогда на земном шаре не существовал, и ещё долго существовать не может «чистый» и непорочный, какой-либо единственный способ производства. Иной вопрос, что теоретический подход позволяет оперировать абстракцией «способ производства», но это только в рамках решения сугубо теоретической задачи. В реальной же жизни всем и всегда приходилось решать задачи с учетом многоукладности экономик во всех крупных странах мира.

Однако с помощью категории «способ производства» невозможно объяснить, почему один из способов производства и его формы производственных отношений пребывают в качестве господствующих в течение длительного времени, а другой способ производства долгое время существует в данной стране в качестве «мальчика для битья» и только при определённых условиях может превратиться в господствующий?

Ответ на этот вопрос был найден Марксом в ходе исследования политического устройства господствующего способа производ-

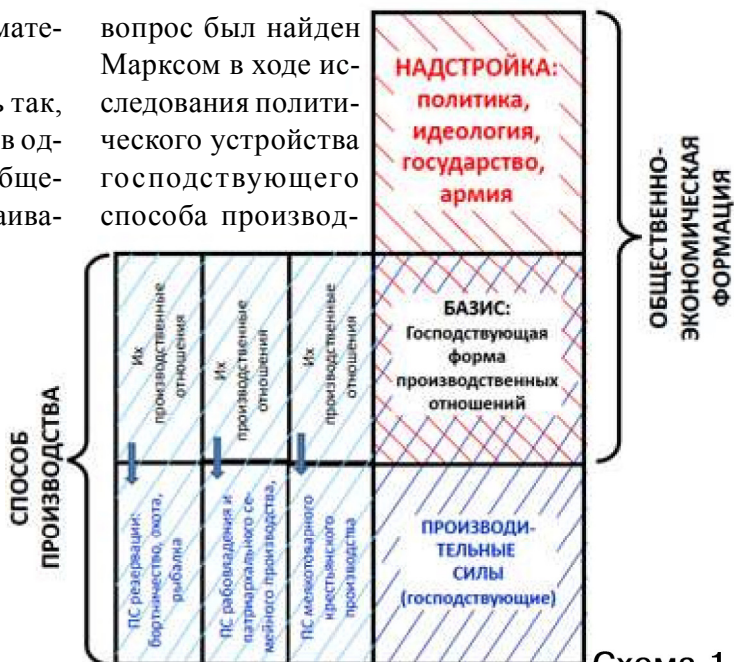


Схема 1

ства и его идеологической «надстройки», выражавшей (а при необходимости маскировавшей) интересы верхушки господствующего уклада. В ходе этого исследования была выработана важная категория марксизма, ФОРМАЦИЯ, которая и объясняла **устойчивость** господствующего способа производства наличием в руках правящего класса идеологической и военно-политической надстройки, соответствующей **господствующей** форме экономических **отношений**, комплекс которых Маркс назвал **базисом**. Именно надстройка способствует сохранению господствующих форм экономических отношений даже тогда, когда производительные силы, уже очевидно, вышли за тормозящие рамки этих отношений [см. схему 1].

Таким образом, для обозначения комплекса производительных сил всех масштабов и уровней развития, а так же экономических отношений соответствующих им, в марксизме применяется категория СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА. Однако для исследования **причин** устойчивости конкретной формы экономических отношений, ещё или уже не соответствующих уровню развития производительных сил, необходимо применять категорию ФОРМАЦИЯ, поскольку она включает в себя силовые, идейно-теоретические и PR факторы воздействия на людей, обуславливающие пролонгацию этого несоответствия.

Говоря о способе производства, мы обязаны искать его объективные и субъективные предпосылки в исходной, т.е. первобытной истории человечества и выяснять, какими объективными исходными обстоятельствами данный способ производства был порожден, каким, конкретно, этот способ производства был в момент своего возникновения, какие фазы в своём развитии прошел, и чем он стал в настоящее время.

Если же мы ищем причины устойчивости или неустойчивости того или иного способа производства, то обязаны выявить господствующие производственные отношения и исследовать качества надстроечных элементов, делающих конкретную формацию относительно **устойчивой**, несмотря на неявное «забегание вперёд» или явное загнивание форм её производственных отношений, или **неустойчивой**, несмотря на то, что производительные силы и производственные отношения, казалось бы, соответствуют друг другу.

ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ КОММУНИЗМА И КАПИТАЛИЗМА

Объективное общественное бытие «соткано» из объективных противоположностей, а бытие субъектов пронизано противоречиями, и этот «букет» противоположностей и противоречий сопровождает человечество с момента возникновения первой человеческой общности, порвавшей со стадностью и превратившейся в первый социум.

Стадо есть множество особей, единство которых имеет исключительно биологическую природу и не выходит за рамки инстинктов и рефлексов.

Обществом называется единство прямоходящих млекопитающих, формы отношений между которыми, чем дальше, тем больше, обусловлены **рассудочными** оценками и решениями, порой, подавляющими сигналы инстинктов и рефлексов.

Независимо от географического места образования человеческого рода или племени, как доказывает археология, в их совместных способах существования и в воспроизводственных отношениях уже содержались объективные и субъективные предпосылки для возникновения и коммунизма, и рабовладения, и феодализма, и капитализма, и, вновь, коммунизма, обусловленные уровнем развития средств производства, что, в свою очередь, выражает степень умственного и социального развития членов общества.

Задача исследователя состоит лишь в умелом мысленном «препарировании» целого, т.е. истории (НЕПРЕРЫВНОГО процесса материального и социального воспроизводства общества), на составляющие его формации, не искажая их содержания и сути объективных связей между этими частями, т.е. те самые диаматические переходы одного способа производства к другому, от одной формации к другой.

Например, совместная загонная охота, при которой всё, добытое на охоте, тысячелетиями предназначалась всему племени в пропорциях необходимых для расширенного воспроизводства всего племени без какого-либо частного накопления (т.е. общественное **сознательное** производство и общественное **сознательное** распределение) являлись формой стихийного коммунизма. Именно так

и существуют некоторые племена, населяющие африканский буш или центральные районы Новой Зеландии в 21 нашем веке.

Но, при этом альтруизме, основанном на кровном родстве, охрана каждым племенем своих охотничьих угодий и поедание инородцев, даже случайно забредших на их территорию, является предпосылкой возникновения всех видов **частной** собственности на средства существования, эксплуатации человека человеком, что получило своё развитие в рабовладении и достигло своей максимальной эффективности при капитализме, т.е. в наёмном рабстве. Поэтому, если говорить об объективных предпосылках для возникновения подобных противоречий, то придётся признать, что подлинно человеческое синтетическое сознание лежит в основе коммунистических форм существования людей, а инстинкты самосохранения и рефлексывыуждают прямоходящих млекопитающих вести себя и сегодня так, как того требовали джунгли в течение всего своего существования.

Таким образом, недопустимо называть себя марксистом и произвольно удалять какие-либо детали из объективного содержания «стадий» развития, игнорируя тот факт, что всё современные формы являются лишь следствием, развитием объективных противоположностей и субъективных противоречий, возникающих вместе с человеческим обществом. Нет ничего «современного», что не имело бы своих объективных и субъективных предпосылок в самой материи. Отрицать это, значит, быть оппортунистом, невольно или сознательно пренебрегающим диалектическим подходом, умышленно игнорирующим или не понимающим факта преемственности в действии закона отрицания отрицания.

Разумеется, и до Маркса в «курганах книг» можно было отыскать произведения социалистов-утопистов, классиков буржуазной философии и политической экономии, но это были теории абсолютно недоступные пониманию феодальных крестьян, основной массе европейских пролетариев, не говоря уже о населении колониально-зависимых стран. Поэтому мировые эволюционные процессы и революционные скачки происходили с минимальным участием научно-теоретической формы общественного **сознания**.

Людские массы, в силу отсутствия у них научного уровня сознания, на протяжении тысячелетий, оставались множеством чрезвычайно про-

тиворечивых субъектов, поведение которых диктовалось «своим мнением», мало отличимым от стадного. Рост производственного мастерства людей не мог заменить им обществоведения. Поэтому, следуя требованиям одних лишь законов природы, прежде всего, ежедневной потребности в еде, подавляющее большинство людей, в борьбе за хлеб свой насущный, были лишены свободного времени, в течение которого можно было бы понять свою человеческую сущность и почувствовать себя важной частью социума.

Многие не вполне понимают диалектику марксового изречения, гласящего, что в воспроизводстве материальных условий своей жизни люди вступают между собой в производственные отношения, не зависящие от их воли и сознания. Плохо знакомые с диалектикой упускают из виду, что все способы производства, исследованные Марксом, формировались в условиях отсутствия в распоряжении человечества **НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ** о законах функционирования социума. Поэтому люди, при всём их желании, не могли сознательно вступать в производственные отношения между собой, и вынуждены были вступали в экономические отношения, формы которых складывались стихийно.

Ребёнок, рожденный в Англии, в эпоху А.Смита и Ч.Диккенса, был вынужден вступать в товарно-денежную форму производственных отношений, а ребёнок, рождённый в Индии «викторианской» эпохи, попадал, если не в феодальную зависимость от магараджи, то в рабскую зависимость от сахиба, т.е. белого господина. Иной вопрос, что, по мере проникновения в Индию паровых машин и электричества, сами индусы вынуждены были вступить между собой в капиталистические производственные отношения, но, это находится в полном соответствии с общим принципом: общество с водяными и ветряными мельницами порождало (благодаря массовой неграмотности крестьян) магараджей и императоров. Общество с паровыми и электрическими мельницами порождало (благодаря массовой неграмотности пролетариев) олигархов и президентов.

И в условиях римской, и в условиях английской империи ни один человек не вступал в отношения рабства с господином по своей воле. Во всех случаях человек превращался в раба насильно, помимо его воли. Сотни тысяч английских крестьян эпохи «огораживания» не по своей воле стали «свободными» людьми без малейших

средств существования. Они были насильно, помимо их воли, ввергнуты в отношения «свободного» найма на рынке их рабочей силы.

Октябрь 17 года прошлого века явился первым в истории человечества случаем, когда пролетариям и всему остальному населению России было впервые предложено вступить в производственные отношения между собой на основе самых передовых достижений **научной** мысли об обществе. Парадокс состоит в том, что значительные массы российской интеллигенции выступили с оружием в руках за сохранение положения, при котором люди продолжали бы вступать между собой в экономические отношения без малейшего участия науки, помимо их воли, а лишь, одни, под страхом перед голодной смертью, другие, под диктатом гипертрофированных потребностей их желудков.

Таким образом, прямоходящее млекопитающее как одна из форм существования материи, до тех пор, пока оно владеет лишь обыденным сознанием, вынуждено вступать в отношения с другими людьми по поводу средств существования в той исторической форме, какая уже господствует на момент его рождения, и в этом смысле, здесь ничего от воли и сознания отдельного индивида не зависит. Человек не в силах отменить, прежде всего, обмен веществ между человеком и внешним материальным миром.

Одновременно, поскольку человек - существо субъективное и, все предшествующие до Маркса века, он мыслил только категориями выживания или излишеств, поэтому значительная часть его социальных решений в истории были... ошибочны и трагичны. Большую часть содержания учебников истории всех цивилизованных стран составляют истории войн. В связи с этим, история человечества превратилась бы в вечный сериал «Властелин колец» плавно переходящий в «Звёздные войны», если бы объективные законы развития материи не возвращали мышление олигархов и обывателей с небес на землю, причём, чем дальше, тем чаще.

Исследуя всемирно-историческую тенденцию развития производительных сил общества, на всех этапах господства обыденного сознания, Маркс убедительно доказал, что наиболее важной предпосылкой к построению коммунизма является то, что **производительные силы** капитализма при глубоком разделении труда, превращении «точных» наук в непосредственно производительную силу, интернационализации, коопе-

рации, концентрации, централизации и огосударствлении производств, приобретают реально **ОБЩЕСТВЕННЫЙ** характер. Поэтому, абсолютно ошибочно называть себя марксистом, т.е. сторонником диктатуры научности в обществе, но в своих рассуждениях о «стадиях» преобразования капиталистического общества в социалистическое использовать формулировки, не содержащие в себе ни слова о коммунизме, хотя производительные силы, тем более, на стадии господства ГМК, уже достаточно обобществлены и, по словам Ленина, представляют собой полную материальную предпосылку коммунизма, если уметь ею правильно воспользоваться.

Если бы Лайбман и его поклонники, действительно, говорили бы о том, о чём обязаны думать марксисты или, хотя бы, стихийные сторонники коммунизма, то они использовали бы выражение «первая фаза коммунизма». Тогда всем и, даже г-ну Лайбману, стало бы ясно, что первая фаза коммунизма может существовать и развиваться ровно в той степени, в какой коммунисты **сознательно** развивают **общественный** характер производительных сил и, на этой основе, сознательно сужают набор форм отсталых, в том числе, рыночных экономических отношений, и всеми средствами культурной революции не допускают роста асоциальных умонастроений в тех слоях либеральной интеллигенции, которые никак не поймут, что им ценнее, севрюга под хреном, или демократия, но предпочитают вступать между собой в стихийные рыночные, а не научно организованные формы производственных отношений.

СТАДИИ ИЛИ ФАЗЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА?

В практическом плане, между реальным империализмом и первой фазой коммунизма неизбежен некоторый временной промежуток, в течение которого главной задачей является не кардинальное насаждение **ВСЕХ** производственных отношений коммунизма, а реальное устранение **властных** политических учреждений и отношений крупного **капитала**.

Период, в котором главной задачей считается смена властной надстройки, называется переходным периодом.

В этот период, действительно, каких-либо бо-

гато детализированных трансформаций в области производственных отношений, кроме НАЦИОНАЛИЗАЦИИ земли, банков и «красногвардейской атаки на капитал», не планировалось. Ленин, в период с 1918 по 1922 годы, т.е. в условиях полного политического безвластия буржуазии на территории Советский России, в своих статьях и докладах на съездах, объяснял причины медленного и неполного внедрения собственно коммунистических производственных отношений, прежде всего, отсутствием достаточной марксистской и общенаучной подготовки у большинства партийных кадров, продажно-стью буржуазных интеллигентов, численным превосходством мелкой буржуазии в стране, т.н. крестьян-середняков.

Следовательно, на какие бы «стадии» троцкисты не делили временной отрезок между государственно-монополистическим капитализмом и полным коммунизмом, ясно, что первой обязательной задачей коммунистической революции является устранение всех **учреждений** капиталистической **надстройки**, прежде всего, силовых структур капитализма, и замена их силовыми учреждениями, исключающими возрождение политической системы капитализма. А поскольку крупная частная собственность на землю (критикуемая за свой паразитизм ещё Давидом Рикардо) как форма экономических отношений существует только за счёт **силового** подавления неимущих (что и вынудило Монкретьена впервые ввести в оборот понятие «политическая экономия»), постольку вслед за разложением буржуазного силового аппарата и созданием Красной Гвардии, дело национализации земли решается простым голосованием Всероссийского Съезда Советов, и никто из крупных землевладельцев не посмел пикнуть до тех пор, пока Колчаку и Деникину не удалось на иностранные деньги собрать офицерские, интеллигентские и казачьи банды.

При Ленине задача национализации земли была решена (по историческим меркам) практически мгновенно, и не только потому, что участки земли были розданы крестьянам немедленно, а и потому, что многие тысячи царских генералов и офицеров, фактически и быстро, как и предсказано в «Манифесте Коммунистической Партии», признали целесообразность коммунистической революции, основных её лозунгов и учреждений. Руководство со стороны СНК РСФСР и комиссаров от ВКП(б) они признали ещё до начала иностранной интервенции, а в орга-

ны ВЧК влились (о чём с горечью писал в своих мемуарах Керенский) бывшие специалисты царской жандармерии и уголовного сыска и, как показала практика, хотя двурушничество в этих средах было, но усилителем этого двурушничества всегда выступали троцкисты.

А о том, что за продажные отбросы влились непосредственно в «белое» движение, лучше всего узнать из мемуаров Черчилля и Деникина, особенно из тех глав, где Деникин описывает причины его поражений: глупость и конкуренция генералов за западные кредиты, трусость на фронте, воровство в тылу, бессмысленный садизм «белой и пушистой» контрразведки, мародёрство казаков, массовые погромы (и не только еврейские), массовые казни, эгоизм и вороватость русских предпринимателей...

Таким образом, нужно быть очень ангажированным «казачком», чтобы, анализируя опыт строительства социализма в СССР, не заметить, что и в области производственных отношений страна перешла на самую, что ни на есть **коммунистическую** форму землепользования. В одночасье земля со всеми её недрами и природно-климатическими условиями превратилась в собственность ВСЕГО населения страны, в том числе и будущих белогвардейцев, чего они так и не смогли понять в силу врождённого морального уродства и домашней болонской «образованности». Но без разрушения буржуазной полицейской надстройки, этот акт гигантского коммунистического содержания был бы невозможен, и в этом специфика переходного периода. Именно этого не «замечает» Лайбман, хотя теоретические вопросы **формального** обобществления и обобществления **на деле** глубоко рассмотрены Лениным в его работах, построенных на методологических основах учения марксизма о формальном и реальном подчинении труда капиталу.

Не учитывается и то, что в течение двух первых лет советской власти впервые в истории человечества были приняты все основополагающие законы, которые выражали и защищали права **только** бывших **эксплуатируемых**.

Общей политической основой для успешного строительства системы антиэксплуататорских надстроечных учреждений и отношений в СССР явилось наличие в стране **борющегося** рабочего класса и, следовательно, его **диктатура** в обществе (не по-троцкистски понимаемая). Успех диктатуры рабочего класса, в свою очередь, всецело зависел от бескомпромиссной

ДИКТАТУРЫ ПАРТИИ большевиков внутри самого рабочего класса.

Но неизбежная диктатура коммунистической партии в массах рабочего класса возможна только в том случае, если её руководящий состав на всех уровнях управления, будет, безусловно, и на практике, вооружен глубокими научными знаниями об объективных законах строительства коммунизма, не будет иметь никаких личных интересов, кроме **искреннего** желания уничтожить систему эксплуатации Человека предпринимателем, и будет демонстрировать большевистскую последовательность и примерность в реализации коммунистических принципов. Не сильная воля, т.е. не волюнтаризм, не героическое самопожертвование, не акционизм, а исключительно **научный авторитет** компетентных и искренних партийных управленцев способен обеспечить единство всей рабочей массы и руководящего научно-теоретического центра управления.

Диктатуру партийной научности, на уровне гениальности, в диктатуру рабочего класса привнесли лично Ленин и Сталин, а проводниками их идей в партийную среду и в массы пролетариев были такие несомненные знатоки марксизма-ленинизма как Дзержинский, Киров, Фрунзе, Свердлов, Калинин, Крупская, Орджоникидзе, Куйбышев, Луначарский, Красин, Кржижановский...

Научно-теоретической диктатуры Ленина и Сталина в партии, решений съездов, выработанных на этой основе, одного подлинно большевистского комиссара (порой, одного на дивизию), оказывалось **ДОСТАТОЧНО**, чтобы миллионные пролетарские массы, безусловно, выполняли политические и производственные задачи беспрецедентной сложности, новизны и, тем самым, обеспечивали **СЕБЕ** превосходство над мировой капиталистической экономикой. Этот период истории Советской России, т.е. период первенства науки и политики над экономикой, и называется периодом военного **коммунизма**.

«Прорыв» уже не раз обращал внимание читателей на то, что сам факт победы Советской власти в войне против иностранных интервентов и их холопов - белогвардейцев, доказывает насколько коммунистические производственные отношения периода «военного коммунизма» (т.е. **минимизация** роли товарно-денежных отношений в деле воспроизводства материально-вещественных факторов), эффективнее рыночных мобилизационных возможностей всего мирового

империализма в вооруженной борьбе против только что нарождающегося коммунизма.

Лайбман и его бурсаки не понимают, что именно экономические рыночные **ОТНОШЕНИЯ** составляют **БАЗИС** капитализма. Поэтому на всех «стадиях» строительства коммунизма всё решается соотношением рыночных и нерыночных производственных отношений в совокупности производственных отношений любой «стадии» строительства коммунизма. Чем меньше коммунистических форм производственных отношений в стране, чем меньше в них наступательности и научной обоснованности, планомерной пропорциональности, тем больше, ежечасно и ежеминутно, нарастает вал отношений рыночных, стихийных, читай, капиталистических.

Помимо чисто моральных и оппортунистических причин, вынуждающих троцкистов оставлять без исследования решающие проблемы теории и практики **строительства** коммунизма, существуют и глубокие методологические причины, вынуждающие многих левых смотреть на коммунизм, не как на фундаментальную всеобщую исходную точку предистории возникновения Человека, а как на нечто, пока ещё, необъяснимое и ужасно отдалённое от нас во времени.

На самом деле, как только труд, направленный, прежде всего, на создание средств производства, поспособствовал формированию **разума**, он подсказал всем индивидам на планете, что только при отношении к материальным ценностям как к **общим**, т.е. формально общественным, человеческие племена получают надёжный фундамент для выживания и развития. Но этот рациональнейший взгляд на вещи не имел и долго ещё не мог иметь **научного** обоснования, а потому верх над первобытным разумом на тысячелетия взяли шаманы, что и привело к торжеству рабовладения.

Но археологические изыскания и современная этнография доказывают, что коммунистическое отношение к средствам существования этноса является самым древним и устойчивым отношением, которое не смогли полностью искоренить ни рабовладение, ни феодализм, ни капитализм. Люди уходили от рабства и феодализма в непроходимые джунгли Амазонки, на Крайний Север, на Дон. Разновидности общинного существования можно встретить во все века, на всех континентах по сей день. Т.е. отношение ко **ВСЕМ** средствам производства, как к богатству **ВСЕГО** эт-

носа, как к естественному и разумному условию выживания и развития всего общества, есть наидревнейшее, первичное культурное достижение разума человека разумного, т.е. человека «без справки». А сегодня большинство современных бандерлогов, без бумажной справки, т.е. без банкноты, и шагу ступить не могут.

Иными словами, большевики не придумали общественную, т.е. коммунистическую форму собственности на основные средства производства, а вновь открыли и научно обосновали её на той стадии их развития, когда эти силы вновь, пройдя естественные спирали развития, поднялись, по своему содержанию, на уровень общественных не в силу одного лишь разделения труда, а и в силу существенного роста производительности труда, когда труд стал производить ВСЁ в таком количестве, что стало возможно удовлетворить любые РАЗУМНЫЕ потребности ВСЕГО населения, т.е. удовлетворить научные необходимости ВСЕГО человеческого общества, не молясь мальтузианским богам борьбы с бедностью. Уже современный капитализм во имя социального мира в метрополии успешно реализует многочисленные социальные программы по принципу: «Кто не работает, тот ест», хотя всего сто лет тому назад по этому принципу жили лишь буржуа.

Достаточность развития современных глобальных производительных сил, даже, при всё ещё господствующей частнокапиталистической собственности, имеет веское доказательство: хроническое «ПЕРЕпроизводство» ВСЕГО и хроническое НЕДОпотребление современных предметов потребления ВСЕМИ пролетариями. Забавно получается: все «Роллс-ройсы» произведены пролетариями, но нет ни одного пролетария, пользующегося этим предметом потребления.

Потому по столицам капиталистических самых «развитых» стран ходят миллионные толпы безработных, голодных, бездомных, одетых в лохмотья, людей при заваленных витринах и забитых просроченным ГМО мусорных баках. Поэтому во всех цивилизованных странах, регулярно, крупные города охватываются массовыми погромами с разграблением банков и магазинов.

Оппортунисты, называющие себя «марксистами», сознательно игнорируют то положение диаматики, что общественные формы, как и сугубо вещественные, не возникают ниоткуда, а являются лишь формами развития ранее существовавших, аналогичных, но ещё примитивных от-

ношений. Оппортунисты делают вид, что не понимают и того, что капиталистические экономические отношения сложились не тогда, когда гёзы свергли колониальное господство испанской короны над Голландией, и не тогда, когда в Англии, во Франции или США предприниматели отрубали головы монархам, губернаторам и их родственникам. Наоборот, уже установившаяся к этому моменту истории, объективная денежная диктатура предпринимателей в обществе позволила им и оружие купить, и свергнуть всю феодальную надстройку в этих странах. Т.е. буржуазия, сначала, превратила свои экономические отношения в господствующие, сформировала свой базис, и лишь потом пришла к безраздельной политической власти.

Уже доказано и передоказано, и в теории, и на практике, что средства производства при капитализме, даже такого уровня развития, какими они были в царской России, позволяют, путём внедрения чисто коммунистических способов управления процессом расширенного воспроизводства общества, «пробежать» за 20 лет путь в 200 лет, компенсируя те гигантские потери и долги, которые оставили пролетариям царизм в первой мировой войне, иностранная интервенция и стратегия «выжженной земли», осуществлённая белогвардейщиной, во время бегства колчаковских и денкинских банд.

Большинство левых теоретиков, пока, не понимают, что неизбежность становления капиталистической формации предопределена не буржуазной революцией, а буржуазная революция неизбежно обусловлена возникновением ОБМЕНА потребительными стоимостями как товарами за много веков до революции. Для истории важно не то, знали или не знали о последствиях люди, впервые совершившие экономическое грехопадение, т.е. не подарившие лишний топор другому человеку, а обменивавшие топор, например, на глиняный горшок, а то, что тяжкий физический труд объективно превращал людей в сквалыг. А поскольку изготовителю топора, как и изготовителю лишнего кувшина, важными казались пропорции между обмениваемыми продуктами (2 топора за 1 глиняный горшок или 1 топор за 2 горшка), отношения обмена породили отношения меновой стоимости, т.е. **торгашества**, при которых каждый из обменивающихся старался за меньшее количество своего товара получить большее количество товара своего конкурента.

Именно в этом кроется главная особенность антикоммунистического рыночного мышления: как «обуть» ближнего.

Однако никто из участников обмена не может гарантировать выгоду только себе. Объективно, конечно, победа гарантирована одной из сторон, как и обязательный проигрыш другой стороны при простом товарном обращении, но гарантировать, что именно горшечник всегда будет выигрывать у других производителей, нет оснований. Но после того, как на рынке появились фиксированные порции редких металлов (металлические деньги), стало возможно не только предсказывать, но сознательно и систематически обчитывать, бесстыдно надувать одного за другим участников обменных операций.

Каждый акт **отношений** обмена товарами между людьми, при котором один из обменивающихся оказывается **систематически** в выигрыше, а другой в постоянном проигрыше, и называется **капиталом**. Первыми предпринимателями, которые обеспечили себе одностороннюю систематическую обменную выгоду, были купцы и ростовщики, особенно ростовщики, которые из **каждой** обменной операции выходили победителями и устойчиво односторонне возвращали свои денежные накопления за счёт обманутых конкурентов.

Торговцы и ростовщики имели место во всех господствующих общественно-экономических формациях, но долгое время, находились на третьих и вторых ролях в обществе. Они не спеша накапливали товарный и денежный материал в своих руках, развивали систему капиталистических отношений, т.е. формировали свой базис, пока, однажды, количество денег в их руках не породило новое их качество и превратилось в средство покупки политической власти. Неважно, кто победил в предвыборном обливании друг друга помоями, важно, что в выборной гонке участвовали ТОЛЬКО те, у кого были минимально необходимые миллионы.

Иными словами, капитализм веками существовал как второстепенная, эпизодическая форма экономических отношений, но как **формация** капитализм утвердился потому, что уже существовала и развивалась форма производственных отношений между людьми, главным содержанием которой был усиливающийся **непропорциональный** обмен между мелкими и крупными товаровладельцами.

Иначе происходит становление коммунизма, и это естественно для коммунизма, как социальной противоположности капитализма. Предпосылкой к естественноисторическому приходу коммунизма являются законы развития производительных сил общества. Как уже было показано, коммунизм вырастает не из предыдущих производственных отношений, а из **прогресса производительных сил** общества. Поэтому строительство коммунизма возможно только в том случае, если производительные силы общества достигли необходимого уровня, и строительство коммунистических производственных отношений возможно только в меру углубления **общественного** характера производительных СИЛ.

До сих пор троцкисты используют спекуляцию о том, что именно низкое развитие производительных сил России запрещало строительство коммунизма в СССР. Но у Маркса речь ведётся не о готовности производительных сил той или иной отдельно взятой страны к строительству коммунизма, а о производительных силах капитализма, как мирового способа производства, установившего своё господство на планете.

Но, нужно было обладать ленинской и сталинской гениальностью, чтобы за теоретическими абстрактными выкладками увидеть, во-первых, в продолжающейся первой мировой войне важнейший надстроечный фактор, делающий капитализм эпохи империализма непригодным к борьбе с коммунистической революцией, даже, в одной, отдельно взятой стране, пока монополисты не закончат драку между собой, а во-вторых, увидеть относительную лёгкость получения доступа ко всем самым совершенным технологиям и производствам Запада, пользуясь очередным кризисом «перепроизводства» и межимпериалистическими противоречиями между продажными олигархами. Деньги русской православной церкви, впервые в её истории, помогли народам Советской России приобрести у капитализма полный комплект самых современных средств производства в необходимом количестве, часто вместе с безработными специалистами, и, за одну пятилетку, сделать из миллионов сельских батраков стахановцев индустриального производства, инженеров и конструкторов.

А нам профессор Лайбман сообщил, что, рассуждая о развитом социализме, он умудрится не затрагивать тему коммунизма. Разумеется, в Санкт-Петербурге нашлась кучка пикейных жи-

летов, которые слушали этот доклад с таким же почтением, с каким они брали в руки первый в СССР американский гамбургер и стаканчик кока-колы. Но люди, изучавшие труды Маркса не для экзаменов, что они могут найти для дела в этом оппортунистическом вертепчике?

Таким образом, любая общественно экономическая формация вырастает не из пожеланий или схем, пусть самых наукообразных, а из объективных предпосылок, заложенных развитием **МИРОВОЙХ производительных сил**, что **ПЕРВИЧНО** для дела изменения экономических отношений.

Как было показано выше, возникновение обменных операций ещё в первобытном обществе, не исключавших лукавство и обман, в своём развитии, при определенном уровне развития производительных сил привели общество в капитализм, в котором эгоизм, обшчёт и обмер в глобальном масштабе есть его неотъемлемая естественная черта.

Но развитие производительных сил в течение всей истории человечества достигло такого пункта, когда они объективно стали общественными, и даже акционеры не имеют в собственности ни одного конкретного кирпича из стен этого предприятия, а только документы на право получения прибыли в пропорции к авансированному капиталу. До решающих масштабов возросла роль наёмных менеджеров, тем более, высшего звена. Совет акционеров соотносится с советом директоров, как будущие покойники соотносятся с претендентами на их место при жизни. (Читайте книгу Ли Якокки «Карьера менеджера»). Фигура хозяина в современной капиталистической экономике становится всё более номинальной. Хозяин получает прибыль до тех пор, пока на страже его ренты стоит полиция.

Но почему менеджеры, реально управляющие

всей гигантской машиной современных производительных сил капитализма, терпят над собой бесполезный довесок из дальних родственников Ротшильдов, Рокфеллеров, Морганов, Фордов?

Нравственная инерция! Общественное бытие определяет сознание тех, кто не обладает научным мировоззрением. Им самим хочется побыть в шкуре аравийского шейха, американского олигарха и, хоть немного, пожить жизнью абсолютного бездельника, самодура, у которого хватает денег, чтобы купить себе шесть донорских сердец или «избрать», т.е. купить себе карманного президента страны.

Таким образом, невозможно, находясь в здравом уме, представить «зрелый социализм», производительные силы которого уступают капитализму, а производственные отношения не являются коммунистическими.

Правда, руководствуясь «арифметикой пупкина», «наблюдательные» троцкисты заявляют, что СССР-таки рухнул, значит, производительные силы капитализма сильнее!

А где же была эта сила в годы первой иностранной интервенции, в годы Великой Отечественной войны, в годы «корейской войны», в первое десятилетие космической «гонки», в годы крушения мировой классической колониальной системы, в десятилетие войны США против СССР во Вьетнаме? Потребовалось 30 лет развития предательства в КПСС, начиная с Хрущева, заканчивая Андроповым и его протеже, Горбачевым, чтобы состоялось разложение надстройки в СССР, а без неё производственные отношения меняют характер. Так что, это совсем другая история, достойная пера Шекспира о бессмысленной подлости тех, кто ломал ленинское и сталинское наследие.

Но неронов, геростратов и яго никто в реальной истории пока не отменял.

Март - апрель 2017

(продолжение следует)

ТЕЗИСЫ О НАУЧНОМ ЦЕНТРАЛИЗМЕ И ВОЖДАХ

Ольга ПЕТРОВА

Анализ причин поражения СССР привел актив «Прорыва» к пониманию необходимости пересмотра ставших в послесталинские годы существования КПСС догматическими положений о критериях «партии нового типа». Было убедительно показано¹, что незащищенность партии от оппортунизма является, с организационной точки зрения, первопричиной во всей череды ошибок в политике, экономике и культуре, которые прервали полет... построения коммунизма. Одновременно с этим и даже раньше² была сформулирована основная причина существования самого оппортунизма в коммунистических партиях – невежество членов партии в марксизме и, вытекающая из этого, невозможность результативно использовать недоусвоенную теорию марксизма в политической практике, даже, при самых благих намерениях. Надо сказать, что эти положения прямо вытекают из ленинских и сталинских оценок роли борьбы с оппортунизмом для становления большевизма, из того объема трудов классиков марксизма, который посвящён разгрому, казалось бы, тоже «левых» и «героических борцов за народ».

После усвоения этих необходимых теоретических предпосылок и основываясь на своем практическом опыте, «Прорыв», оправдывая свое название, сформулировал понятие **научного централизма** (НЦ). И началось... Но даже самая бессодержательная, ругательная «критика» со стороны наших оппонентов оказалась полезной в том смысле, что и сторонники, и про-

тивники вынуждены были обновить свои знания по истории становления партии большевиков, вдумчиво и целенаправленно перечитать Ленина. Сейчас, после первой эмоциональной волны критики научного централизма, подспела вторая – более содержательная, без обвинений во всех «смертных грехах». Вопросы о функционировании партии научного централизма стали задавать сторонники «Прорыва», поэтому возникла необходимость еще раз осветить некоторые аспекты.

НЕОБХОДИМОЕ И ДОСТАТОЧНОЕ КОЛИЧЕСТВО ВОЖДЕЙ

Когда оппоненты указывают нам на опасность наличия в партии НЦ одного вождя, они приводят вполне понятные аргументы о том, что такой вождь смертен, подвержен болезням, в том числе и снижению умственной активности, и хорошо бы иметь запасных вождей. С этим трудно, да и не нужно, спорить. Однако в реальной жизни перед партией никогда не встанет выбор один вождь или 10 вождей, и рассуждать об этом просто неактуально. В реальной истории ситуация складывается следующим образом:

- Развитие и самообразование каждого марксиста приводит к формированию кружков и их печатных органов.

- Самый авторитетный из печатных органов становится центральным органом (ЦО). Как

1. Смотри статьи В. Подгузова «К вопросу о причинах развалов коммунистических партий» №4 (25) 2009 (http://proriv.ru/articles.shtml/podguzov?istoria_razvalov) и «Демократический централизм, как питательная среда для размножения «бацилл» оппортунизма в коммунистической партии» №2 (33) 2012 (часть 1 http://proriv.ru/articles.shtml/podguzov?stal_konst и часть 2 http://proriv.ru/articles.shtml/podguzov?contr_demcent_1)
2. Смотри, например, статью 20-ти летней давности В. Подгузова «О некоторых методологических проблемах анализа природы оппортунизма» (http://proriv.ru/articles.shtml/podguzov?opportunism_1997)

качество школы определяется всецело составом преподавателей, так и качество печатного органа, этого коллективного пропагандиста, агитатора и организатора, определяется составом основных авторов. Поэтому не продуктивно собирать редакцию, путем сливания всех имеющихся кадров, более правильным будет вовлечение в слаженную редакцию ЦО новых авторов, показавших высокий научный уровень. Никакие формальные, хоть самые демократические, хоть самые диктаторские положения устава редакции не способны сами по себе сделать газету или журнал привлекательным и полезным для читателей и новых авторов. Ухищрения для привлечения читателей – типа развлекательных материалов, мелкотемья, ложной оперативности и актуальности являются, по сути, буржуазными методами, и, все равно, не могут сравниться по развлекательности с «желтой» прессой. Только высокий уровень научности материала делает печатный орган авторитетным. Опыт большевиков показывает, что наиболее продуктивно работает печатный орган, в котором редакция состоит из основных авторов, а не существует отдельно, как некая техническая служба. Разве что конспиративные цели требовали назначать редакторами «зиц-председателей», сознательно защищавших собой настоящих редакторов.

- Вокруг ЦО формируется организация уже не кружкового, а партийного типа.

- В рамках пропагандистской работы ЦО партии формируется плеяда авторитетных авторов.

- Авторитет ЦО растет как в партии, так и в массах пропорционально качеству публикаций, их практической ценности. Это очень важный аспект, ни о каком НЦ, ни о какой партии, и ни о каких вождах нет смысла говорить, если нет роста реального авторитета ЦО в массах. Если такого роста нет, то следует вернуться «назад» к кружковому этапу и подготовить пропагандистов, которые смогут обеспечить рост влияния партии в массах.

- На этом этапе можно говорить уже о формировании вождя. Вождь должен в еще большей мере, чем рядовой коммунист, сочетать в себе теоретика и практика. Не может быть вождем «чистый» теоретик, он должен организовывать партию для претворения в жизнь своих идей, и не может быть вождем и «чистый» практик, поскольку постоянно возникающие вопросы партийного строительства и пропаганды нужно оперативно и грамотно решать. И только в этом случае можно называть лидера вождем. Дело в том, что лидер может быть у любой организации – как у развивающийся, так и деградирующей и вырождающейся. Является ли Зюганов лидером

КПРФ? Вполне, является. А является ли он хоть чуточку вождем? Смешно и спрашивать, даже в насмешку так не скажешь. А может ли вообще быть вождь у партии типа современной КПРФ? Сама партия, ее пресса, отношения с массами носят такой характер, что научному авторитету там нет места. Массы не видят в этой партии умного руководителя, партийное руководство видит в массах электорат, и только подстраивается под его стихийные симпатии, и не собирается массы ничему учить.

Понятно, что формирование одновременно нескольких абсолютно равнозначных лидеров крайне маловероятно.

Вопрос стоит так: когда партия становится способной вести массы? Анализ истории показывает, что как раз формирование вождя и является той вехой, которая одновременно и показывает достаточную зрелость организации для дальнейшего роста, и сама позволяет развиваться дальше. Аналогом данного процесса из неживой природы можно назвать формирование критического зародыша при кристаллизации расплава или раствора. При достаточном переохлаждении системы происходит образование маленьких кристалликов, но пока они малы, они постоянно растворяются и образуются вновь, пока не будет достигнут критический размер, после этого кристаллики не растворяются, а только растут. Аналогом вождя может быть затравка, которая приводит к росту единого монокристалла.

Таким образом, с момента формирования вождя, борьба партии идет с нарастающим напором, с более активной организацией уже подготовленных, уже распропагандированных масс на непосредственные действия. Имеет ли смысл партии ждать формирования еще нескольких вождей? С учетом того, что процесс этот плохо контролируемый даже в благоприятных условиях первой фазы коммунизма, ждать можно до... смерти первого вождя от старости. Да и как прикажите ждать, если партия и массы готовы к действиям, если империализм постоянно грозит миру ядерной мировой войной, а в локальных войнах гибнут тысячи и десятки тысяч жизней. Т.е. мы неизбежно попадаем в ситуацию с ограниченным числом вождей. Если посчастливится и сформируется несколько компетентных лидеров, то будучи коммунистами, они добровольно и наиболее продуктивным образом разделят между собой сферы ответственности. Подобную схему в Политбюро ЦК ВКП(б) начинал строить Сталин, когда каждый член ПБ, кроме своих непосредственных обязанностей, курировал ряд направлений работы, например, отраслей промышленности.

СВЯЗЬ КАЧЕСТВА ВОЖДЯ И КАЧЕСТВА ПАРТИИ

Об этой связи мы уже упоминали в предыдущем пункте. Однако связь эта настолько всеобъемлюща, что лучше всего её смог передать поэт Маяковский:

*«Мы говорим Ленин – подразумеваем партия,
мы говорим партия – подразумеваем
Ленин».*

Как мы уже упоминали, вождь формируется из наиболее авторитетных авторов ЦО. Т.е. вождь должен быть более подготовлен, чем остальные, соответственно, чем выше подготовка членов партии, тем более высоким будет и качество вождя. Более того, высокое качество партийного актива может гарантировать формирование вождей второго эшелона, которые со временем станут вождями партии. И, наоборот, плохое качество партийных кадров неминуемо приведет к ситуации, когда даже относительно компетентному руководителю не на кого будет опереться, и он ничего не сможет сделать.

Можно ли упрекнуть Сталина в плохой подготовке вождей? Во-первых, вождь должен готовить себя сам. Без огромного труда и добросовестности, ни в каком ВУЗе на вождя не выучишь. Опыт многочисленных партшкол тому подтверждение. Даже в современной официальной науке у такой совсем нештучной степени как доктор наук НЕТ руководителя. **Сам. Всё сам.** А, во-вторых, учениками Сталина были такие выдающиеся коммунисты-руководители, как Киров, Жданов, Берия. То, что все они умерли крайне рано и совсем не «своей смертью», говорит о том, что враги коммунизма, в отличие от некоторых якобы сторонников, как раз очень верно оценивают роль вождей в революции и на первой низшей фазе коммунизма.

О СКРЫТОЙ ДЕМОКРАТИИ И СКРЫТОМ ЦЕНТРАЛИЗМЕ

В размышлениях Евгения Королева³ в качестве возражения против теории НЦ сказано, что само выполнение партийными кадрами решений

ЦК является скрытой формой голосования за эти решения. И, соответственно, в случае саботажа решений имеем скрытое голосование «против». Но такое скрытое «голосование» «против» прямо противоречит принципам децентрализма, который предполагает выполнение решений даже без согласия. т.е. проявлением как раз централизма научного, в том смысле, что после такого саботажа, партия либо самым жестким образом избавляется от саботажников (что исторически мы видим во внутрипартийной борьбе в ВКП(б) в 30-е годы), либо является первой фазой на пути раскола в партии, где ЦК утратил научный авторитет. Мы же неоднократно писали, что в истории ВКП(б) многие решения принимались хоть формально и голосованием, но по сути уровень научного авторитета этих решений делает их научно-централистскими.

Как и представители ЛС и ГК, о которых мы писали ранее, Е. Королёв увидел в НЦ только требование к росту в понимании того, что необходимо *«неуклонное повышение теоретических знаний и практических навыков»* членов партии. Но не задаться таким требованием сегодня уже просто невозможно! Уровень, тех, кто состоит сейчас в партиях с левыми и коммунистическими названиями пал настолько низко, что смотреть без слез, а иногда и смеха, на попытки что РКРП-рпк-кпсс, что КПРФ, что РУСО что-то создать, уже невозможно. Именно поэтому постоянно появляются левые публицисты-одиночки разной степени яркости, которые легко затмевают своей пропагандой целые «ком»партии. Партии и организации сразу обижаются и обвиняют пропагандистов-одиночек... правильно, в том, что они «кремлевские провокаторы», в качестве доказательства повторяя мантры *«раз у них так быстро и ярко получилось, то не иначе из Кремля помогали»* или *«а вот он не зовет на баррикады сегодня, не ругает ругательно Путина, значит, ясно, кремлевский бот»*. Понятно, что ничего, кроме зависти за этими обвинениями нет, зачастую такие критики даже не рассматривают сами тезисы, высказанные пропагандистом-одиночкой, а рассматривают что *«он не сказал вот этого»*, *«а почему ему дали сказать»* и прочие сопутствующие моменты. Наличие таких ярких одиночек является критерием, показывающим, что современные левые организации не умножают силы своих пропагандистов, даже формально партийные пропагандисты работают автономно и решают

свои задачи без общеорганизационного плана, на свой страх и риск, зачастую самостоятельно решая технические вопросы, без организации и вопреки организации. Проводимая же по формальному плану агитационная работа настолько тривиальная, блеклая, мелкотемная и никому не нужная, что скорее отвращает от организации, чем привлекает в нее новых членов. Мы, редакция «Прорыва», проходили это еще в РКРП 15-18 лет назад. Такая степень организации теоретиков и пропагандистов не соответствует партийному уровню – это кружковый и докружковый этап. Можно констатировать, что сегодня в РФ нет левой организации, которую можно было бы назвать партией.

О ФОРМИРОВАНИИ, ВОСПИТАНИИ И НАЗНАЧЕНИИ ВОЖДЕЙ

Проблема преемственности вождей в компартии тоже представляется некоторыми нашими сторонниками как трудно разрешимая в рамках НЦ. В общем, целью наших публикаций и было привлечь внимание коммунистов к этой проблеме. Если посмотреть историю XX века, то окажется, что все великие свершения таки или иначе связаны с именами конкретных вождей. Даже если посмотреть на историю разрушения мировой системы социализма, то окажется, что наибольшее сопротивление оказывали те партии, руководители которых, хотя бы в рамках своих стран, могли называться вождями. Большинство последних руководителей соцстран сейчас не вспомнит даже историк, а Чаушеску, Хоннекера, отчасти Ярузельского интересующиеся историей помнят. Не говоря уже о несомненных вождях – Кастро и Киме, которых помнят все.



Вопрос о преемственности в разных партиях решался по-разному. Где-то проблема оставалась на самотек – т.е. на те самые демократические процедуры и «коллективный разум» – ничего хорошего не наблюдалось. В КНДР проблему решили кардинально... Решение на сегодня показывает себя вполне успешным. Это решение собрало всех «собак» как от имени либералов, что неудивительно, так и от имени «неавторитарных» левых. Сегодня можно процитировать блог Чучхе и Сонгун: *«Корейскому народу, вновь, уже третий раз подряд, сильно повезло с руководителем»*⁴. И, как и в случае с другими вождями-коммунистами, о возможности убийства Ким Чен Ына империалисты пишут открыто, даже не стесняясь признаваться в подготовке преступления.

Является ли северокорейский метод оптимальным и подходящим для всех компартий? Нет, этот метод разработан с учетом национальной специфики и многолетней изоляции. Достоинствами этого метода является, во-первых, сознательная подготовка будущего вождя, во-вторых, относительно меньшие усилия в момент смены лидера. Однако, научности руководства,

высокой компетентности такого нового вождя, не прошедшего этапа непосредственной борьбы с внутренними оппортунистами северокорейский способ не гарантирует.

Таким образом, вопрос о формировании вождей на сегодня не решен в общем виде, есть только практические наработки в разных компартиях. И пока не будет совершенно ясно для всех коммунистов, что вождь является и критерием авторитета партии и механизмом развития организации, вопрос о целенаправленном формировании вождей будет буксовать о необходимости постоянного доказательства их необходимости. Организация, которая займется воспитанием в своих рядах коммунистов, отвечающих требованиям к вождю, имеет все шансы стать партией нового типа и сформировать и повести за собой рабочий класс.

Февраль - апрель 2017

4. Блог «Хранить чучхейский и национальный характер революции и строительства нового общества!» (<http://juche-songun.livejournal.com>)

ОПЫТ КРИТИКИ АНТИНАУЧНОЙ ФАКТОЛОГИИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Часть 4¹. ДИАЛЕКТИКА ФАКТА

Николай ФЕДОТОВ

**Ивницкий Н.А:
служить бы рад,
прислуживаться...
тоже**

Одним из наиболее «авторитетных» в буржуазной исторической «науке» трудов по вопросам голода в СССР является монография некоего Ивницкого Н.А. под заголовком «Голод 1932-1933 годов в СССР».

В отличие от относительно молодого Кондрашина, начинавшего свою «научную» работу в конце 80-х и, в общем-то, всегда и сознательно стоявшего на позициях класса буржуазии, господин Ивницкий – классический перевёртыш. Он свою научную карьеру начал еще в 50-е как исследователь коллективизации. В начале 70-х даже издал монографию по данной теме, в которой расхваливал коллективизацию, как величайшее событие в советской истории:

«Одним из выдающихся свершений советского народа, которое по важности

сти и социально-экономическим последствиям можно поставить вслед за Октябрьской революцией 1917 г., является социалистическое преобразование сельского хозяйства и ликвидация на его основе последнего эксплуататорского класса — кулачества. По глубине и размаху, формам и методам, характеру и результатам коллективизация сельского хозяйства относится к числу крупнейших революционных преобразований общества.»²

Однако когда классовая расстановка сил поменялась, Ивницкий быстренько перевернулся уже к новым хозяевам и запел совсем по-другому:

«Коллективизация советского сельского хозяйства была одной из величайших трагедий XX в. Результатом коллективизации, определенной и деформированной сталинизмом, стали невыразимые страдания и репрессии. Коллективизация и «ликвидация кулачества как класса» (раскулачивание) означали экспроприацию более одного миллиона кре-

1. Первую часть статьи Н. Федотова «Антинаучная методология либерализма. Доклад «о культе личности и его последствиях»: ложь мирового масштаба» читайте в «Прорыве» №1 (47) 2016 (http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?vs_khrusch). Вторая часть, представляющая собой начало исследования либеральной лжи по поводу проблем коллективизации, помещена в «Прорыве» №5 (51) 2016 (http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?doc_golod). Третья часть - в «Прорыве» №1 (52) 2017 (http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?doc_golod_2).

2. Н.А.Ивницкий, «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса», 1972.

стьянских семей (5-6 млн. чел.), насильственную депортацию в отдаленные северные и малонаселенные регионы страны почти двух миллионов крестьян, гибель сотен тысяч людей и в конечном счете разрушение сельского хозяйства.»³

Может, «глаза открылись» у человека и, вырвавшись из «советских застенков» он «узнал правду»? Да ничуть... Во введении к упомянутой выше монографии он рассказывает, и что его отец был репрессирован, и что семья от голода пострадала:

«Весной [1933 года. – Федотов] вся наша семья — мама, брат и я — опухли. Все тело наливалось какой-то жидкостью, отекло лицо, вздувались животы. Маму положили в районную больницу. Мне было уже 10 лет, брату — 8. К лету, когда стал наливаться колос, ходили в поле, срезали колоски «молочно-восковой спелости» и ели. Многие уже умерли к тому времени. Как мы выжили — не знаю.»⁴

То есть автор свидетельствует, что медицинская помощь голодающим все же оказывалась. Мать положили в больницу, детей взяли под опеку, иначе б без матери они неминуемо погибли.

Однако, несмотря на все беды, которые советская власть причинила его семье, господин Ивницкий все же решает этой власти служить. Во второй половине 1940-х годов заканчивает Историко-архивный институт, потом аспирантура, защита кандидатской и докторской диссертаций, в которых, к гадалке не ходи, расхваливал достижения коллективизации и лично товарища Сталина. Потом работа в Институте истории АН СССР. А вот дальше происходит нечто, что привело к изменению его взглядов.

«В связи с подготовкой многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» мне посчастливилось, как заместителю ответственного редактора IX тома (1933-1941 гг.), попасть в совершенно секретный кремлевский архив Политбюро ЦК КПСС и в течение четырех месяцев (июль-октябрь 1964 г.) изучать его материалы, в том числе личного архива И.В. Сталина, «особых папок» ЦК ВКП(б) и другие секретные документы.

В результате этого мне удалось скопировать или законспектировать сотни

документов, проливающих свет на историю выработки важнейших решений Политбюро ЦК ВКП(б) по аграрному вопросу, механизм их осуществления и роль Сталина и его ближайшего окружения (Молотова, Кагановича, Микояна и др.) в этом деле. Однако было запрещено указывать место хранения и исходные данные этих материалов.»⁵

Пустили нашего автора в архив, и вот тут-то он «прозрел». Казалось бы, прямая дорога в диссиденты ему после этого. Но ничего подобного. Он пытается кое-какие документы включить в многотомник - ему отказывают. Пытается их использовать в своей монографии «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса» - получает еще раз по шее в форме критики в журнале «Вопросы истории КПСС». При этом, «за правду» он бороться и не собирается.

«И только в конце 1980-х — 1990-х годах эти материалы, в том числе и о голоде 1932-1933 гг. были широко использованы в моих работах, правда, с глухими отсылками — Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС. Это делается и в настоящей работе, так как далеко не все документы кремлевского архива переданы в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).»⁶

Во как! «С глухими отсылками»... Уж не за то ли Ивницкий получал по шее в 1970-е? Просто замечательно получается. Сидел в секретном архиве, что-то там конспектировал и копировал, но почему-то никаких данных по конкретному местонахождению этих документов он не зафиксировал. Номера описей и дел — ничего этого нет. А уж насколько корректно он там конспектировал — одному чёрту известно. Во всяком случае, доверять ему на слово, учитывая ту легкость, с которой господин Ивницкий меняет свои взгляды, нет никаких оснований. Если в 1970-е он поступился «правдой» за гонорары и карьеру, то это означает лишь принципиальную готовность продаваться. Ну а покупатель в 1990-е не заставил себя долго ждать. Буржуазии плевать на глухие ссылки, лишь бы они «доказывали» то, что выгодно буржуазии.

Учитывая всё вышесказанное, не стоит ждать от господина Ивницкого научной добросовестности. Его «научный метод», в общем-то,

3. Н.А.Ивницкий, «Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.)», 2000.

4. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М., 2009. С.6.

5. Там же. С.7.

6. Там же.

сводится к простой фразе – «чего изволите?». Когда ему платило зарплату советское государство, он объявлял коллективизацию величайшим свершением. Когда стала платить буржуазия, свершение превратилось в «величайшую трагедию», а кулак из эксплуататора – в «крепкого хозяина».

Методологические ошибки Ивницкого, в общем-то, практически ничем не отличаются по своей сути от ошибок Кондрашина. У него мы встречаем все те же самые нехитрые приемчики, которые должны убедить недалекого и не знакомого с диалектикой читателя в том, что в голоде виновата исключительно советская власть. Буржуазная партийность господина Ивницкого видна чуть ли не на каждой странице. Видно, что он защищает интересы, прежде всего, кулака (того самого, что ранее объявлял эксплуататором).

Так, к примеру, он осуждает сталинскую инициативу наказывать кулака за невыпуск зерна на рынок тюремным заключением. Речь здесь идет о том, что кулаки массово придерживали запасы зерна до весны в ожидании повышения цен, что даже при росте урожая негативно сказывалось на государственных хлебозаготовках. Такая практика сложилась во времена нэпа. Часть хлеба кулак сдавал, часть прижимал до весны и продавал на рынке дороже. Очевидно, что интересы кулацкой прибыли здесь входили в явное противоречие с интересами рабочего класса и народного хозяйства, в целом. В результате применения таких чрезвычайных мер хлебозаготовки значительно выросли. Однако Ивницкому никак не дают покоя задеты интересы кулака и он «незаметно» отождествляет их с «интересами крестьянства»:

«Чрезвычайные меры переполнили чашу терпения крестьян, и они решались на крайние меры. В 1928 г. было зарегистрировано около 1400 террористических актов против сельских активистов. В официальных документах партийных и карательных органов террористические акты и крестьянские волнения трактовались как кулацкие или организованные ими выступления. На самом деле это было проявление недовольства крестьян политикой советской власти в деревне.»⁷

Абсолютно голословное утверждение. 1400 террористических актов – это столько же уголовных дел. Но почему-то автор не дал себе труда посмотреть эти дела и выяснить все же,

кем были эти теракты организованы и исполнены. Что примечательно, на предыдущих страницах Ивницкий ни разу не обмолвился, что данные чрезвычайные меры хоть как-то коснулись беднейших крестьян, все же составлявших большинство. Впрочем, очевидно, что чисто экономическую возможность придерживать большие массы товарного зерна до весны могут лишь владельцы относительно большого капитала.

Тем более, что через несколько страниц автор себе же противоречит:

*«В 1929 г. резко возросло количество террористических актов против хлебозаготовителей и партийно-советского актива: если в 1927 г. был зарегистрирован 901 случай террора, то в 1928 г. — 1153, а в 1929 г. — 9137, причем 77% их числа произошло на почве хлебозаготовок и наступления на **зажиточные слои деревни**. Наибольшее число террористических актов приходилось на зерновые районы страны: Украина — 1458 случаев, ЦЧО — 1135, Сибирь — 989, Урал — 662, Средняя Волга — 473, Северный Кавказ — 401 и т.д.»⁸*

То есть всё же террор был со стороны «наиболее зажиточных слоев деревни», то есть тех же самых кулаков. Но несколькими абзацами ниже снова читаем про «крестьянство»:

*«Недовольство **крестьян** хлебозаготовками, когда изымалось не только товарное, но и необходимое для потребления в хозяйстве зерно, нередко выливалось в массовые крестьянские выступления. По данным ОГПУ в 1929 г. в стране произошло 1307 таких выступлений, в которых приняло участие около 300 тыс. человек, что в два раза больше, чем в 1928 г. Наибольшее число выступлений было в Средне-Волжском крае — 202, Сибири — 176, ЦЧО — 119, Нижне-Волжском крае — 103, на Украине — 100 и т.д.»⁹*

Задеты, в основном, интересы кулака. Он активизирует террористическую деятельность. Однако недовольны, почему-то, «все крестьяне». У каждого массового выступления есть организаторы. Не исключено, что и бедняки участвовали в организованных кулаками выступлениях. Но ведь по каждому выступлению, коль уж они столь скрупулезно подсчитывались, проводилось расследование, выявлялись инициаторы... Почему-бы нашему автору не копнуть соответству-

7. Там же. С.25.

8. Там же. С.40.

9. Там же.

ющие уголовные дела?

Но что такое научная добросовестность, господину Ивницкому неизвестно. Он с упоением продолжает врать. На сей раз он решил обвинить во вранье Сталина.

«Выступление Сталина на пленуме ЦК [имеется в виду Пленум ЦК в ноябре 1929 г. – Федотов] было лживым, лицемерным и фарисейским. Лживым было утверждение Сталина о «колхозном движении» 1929 г., так как осенью этого года по официальным данным уровень коллективизации составлял 7,6%. О каком колхозном движении может идти речь, если удельный вес даже бедноты к общей численности крестьянства составлял 35%, т. е. почти в 5 раз больше, чем было крестьян в колхозах.»¹⁰

Что ж, попробуем разобраться, кто здесь лжец и фарисей. Если определение слова «лжец» вряд ли вызовет сложности у здравомыслящего человека, то слово «фарисей» порядком подзабыто. В древней Иудее так называли приверженцев одной из религиозно-философских школ и означало это слово «отступник» или «еретик». В современном русском языке «фарисейство» - это синоним слова лицемерие. Поэтому наш автор еще и безграмотен, когда говорит одновременно о «лицемерии и фарисействе». Ну а значение слова «лицемерие» - это способность притворяться, вести себя неискренне; врать, но при этом строить из себя добросовестного человека.

Ивницкий во всем этом обвиняет Сталина за следующее высказывание:

«Не ясно ли, что выпячивать теперь вопрос о чрезвычайных мерах вне связи с наступлением на кулачество и ростом колхозного движения, значит занять лицемерную, фальшивую, насквозь трусливую позицию?»¹¹

Дескать, никакого роста колхозного движения не было, а уровень коллективизации составлял всего 7,6% по «официальным данным», ссылки на которые он и не дает. Однако то ли наш автор на момент написания данной монографии страдал старческим маразмом, то ли новым классовым хозяевам решил угодить, но почему-то он «забыл», что уже исследовал этот вопрос ранее, в 1970-е годы, когда писал уже упомянутую монографию «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса». Так вот, в

той монографии он даже табличку размещал со сноской на статистические сборники, из которой следует, что за 1927-1929 год уровень коллективизации вырос в 5 раз и составил 3,9%¹². Почему-то даже меньшая цифра тогда его не смущала, и он делал акцент на главном, точно на том же, на чем и Сталин в своей речи, – на относительных показателях. Более того Ивницкий там же верно подмечает, что задача развертывания массового колхозного строительства в те годы еще не ставилась, шла речь только о создании предпосылок.

А чуть дальше в той же монографии автор сообщает следующее:

«В самом деле, если на 1 июля 1929 года насчитывалось 57045 колхозов, которые объединяли 1007,7 тыс. крестьянских хозяйств, то к 1 октября того же года число колхозов возросло до 67446, то есть примерно на 18%, а число коллективизированных крестьянских хозяйств достигло 1919,4 тыс., то есть увеличилось более, чем на 90%.»¹³

И пояснение наш автор очень правильное дает: число колхозов росло медленнее численности колхозов, поскольку в уже образованные вступали новые хозяйства.

Так кто же лгун после этого? У Сталина были основания заявлять о росте колхозного движения. Более того, сам господин Ивницкий прекрасно знал, что такие основания были, он эти основания в своей советской монографии доказательно, со ссылками на статистические материалы изложил. Так что Сталин уж точно не лгун.

А что же Ивницкий? Предположим, что к моменту написания современной монографии на деньги буржуазии, он откопал некие новые данные, которые опровергли бы данные советского статистического сборника, использовавшиеся ими ранее. Но тогда надо эти данные предъявить. Однако автор этого не делает. Он на основе тех же старых данных делает уже другие выводы. Но в тех данных не содержатся основания для других выводов. Тогда он просто подленько подменяет относительный рост количества колхозов абсолютным небольшим их количеством.

Так что вывод здесь можно сделать однозначный. Господин Ивницкий – лгун, поскольку неверно представил показатели коллективизации. Кроме того, господин Ивницкий – самый бессовестный лицемер, поскольку он не просто соврал,

10. Там же. С.43.

11. Там же.

12. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С.39.

13. Там же. С.41.

а соврал, зная правду, соврал перед самим собой. Поэтому можно со всей ответственностью сказать, что у Ивницкого отсутствует еще и совесть.

Еще более смешно выглядит и другое обвинение в адрес Сталина:

«Лживым было утверждение Сталина о том, в 1929 г. чрезвычайные меры проводились самими бедняцко-середняцкими массами крестьянства, а не государственными органами. Только ОГПУ в 1929 г. арестовало около 100 тыс. человек. Но арестами занимались сельсоветы, уполномоченные райисполкомов, заготовительных и финансовых организаций и т.п. Словом, арестовывали все, кто имел хотя бы какую то власть.»¹⁴

Сталин же в своей речи сказал следующее:

«Разве трудно понять, — говорил он, — что чрезвычайные меры прошлого года имели по преимуществу административный характер (это было процушивание кулака), тогда как чрезвычайные меры этого года являются мерами, применяемыми миллионными массами бедняцко-середняцкого крестьянства (массовое наступление бедняков и середняков против кулачества)?»¹⁵

Если внимательно прочитать сказанное Сталиным, то несложно понять, что речь здесь идет совсем не о том, что государственные органы не участвовали в чрезвычайных мерах, а о том, что миллионные массы бедняков и середняков подключились к проведению этих мер, то есть стали помогать советским органам в деле разоблачения подрывной работы кулачества. И тот факт, что непосредственно аресты производились советскими органами, никак не противоречит тому, что бедняцко-середняцкие органы включились в борьбу с кулачеством. Так что и здесь Ивницкий продемонстрировал, что лжец — именно он.

Иногда доходит и до смешного. Так, наш автор в конце главы делает следующий вывод:

«Такой ценой выполнялись хлебозаготовки, а не массовым наступлением бедняков и середняков против кулачества, как лицемерно утверждал Сталин.»

Да только дело в том, что это «лицемерно утверждал»... сам Ивницкий в своей советской монографии:

«Со второй половины и, в особен-

ности, с осени 1929 года, масштабы и темпы колхозного строительства резко возросли. На путь коллективизации становились бедняцко-батрацкие массы, увлекая за собой и часть середняцких хозяйств.»¹⁶

Более того, он не просто это утверждал, а еще и в предыдущей главе на многочисленных статистических данных продемонстрировал, какие конкретные меры по экономическому давлению на кулака и экономической поддержке бедняков и середняков были предприняты советской властью, и как после принятия этих мер укрепилось положение бедняков и середняков. Это не Сталин, а Ивницкий скрупулезно привел цифры, насколько уменьшилось налоговое бремя на середняка, насколько удешевился инвентарь и т.п. Так что вывод о том, что у бедняка и середняка были вполне конкретные основания, чтобы идти в колхоз, сделал сам господин Ивницкий.

Однако смена классовых хозяев заставила его все это забыть и выдвинуть на первое место «репрессии» против кулака. Правда, почему-то, он на сей раз отказался столь же скрупулезно доказать тезис о решающей роли именно репрессий в деле колхозного строительства. Зачем? Новым классовым хозяевам плевать на качество аргументации.

Если во второй главе своей советской монографии Ивницкий с цифрами на руках показывает темпы роста колхозного строительства в последнем квартале 1929 года, то в монографии 2009 года в той же главе с почти таким же названием упор делается на репрессии против кулаков и перегибы на местах, причем масштаб перегибов его не интересует. Видимо, помнит все же, что сам еще в 1970-е доказывал на статистических данных, что «колхозное строительство стало делом миллионных бедняцко-середняцких масс крестьянства»¹⁷. Однако в угоду буржуазным хозяевам все же приходится изобретать «аргументацию» в пользу обратного. Выглядит крайне нелепо. К примеру, автор пишет:

«Безудержная гонка темпов коллективизации, полное обобществление крестьянского скота в колхозах привели к резкому сокращению поголовья крупного рогатого скота, свиней, овец. Так, в 1929/30 хозяйственном году поголовье крупного рогатого скота в стране сократилось на 14,6 млн. голов, свиней — на

14. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М., 2009. С.44.

15. Там же. С.43.

16. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С.75.

17. Там же. С.87.

одну треть, а овец и коз — более, чем на одну четверть. В дальнейшем, несмотря на постановления ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 г. («О мерах борьбы с хищническим убоем скота»), сокращение поголовья скота продолжалось.»¹⁸

Ну, во-первых, никаких директив, предписывавших обобществлять весь скот, наш бессовестный автор так и не удосужился привести. Полное обобществление — это как раз те самые перегибы, с которыми советская власть призывала бороться.

Во-вторых, тут явно некорректно сформулирована причина сокращения поголовья скота. Это как раз кулак и часть идущих за ним середняков предпочли резать скот, а не передавать его в колхоз. Их к этому толкала не нужда и не голод, а скотская частнособственническая психология. Причина сокращения поголовья скота — это не коллективизация и не перегибы в ней, а хищнический, лишенный рационального смысла убой скота наиболее зажиточной частью крестьянства.

В самом начале второй главы автор ссылается на «Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»» от 30 января 1930 года, в котором идет речь о 60 тысячах кулаков, подлежащих заключению в концлагерь и 150 тысячах, подлежащих высылке. Правда, с оговоркой, что это приблизительный расчет. У читателя, таким образом, должно сложиться впечатление, будто сначала советская власть начала репрессии, а потом кулаки стали резать скот.

Однако наш автор снова наврал. На самом деле, бедняк и середняк массово пошли в колхоз начиная с лета 1929 года. В своей советской монографии Ивницкий пишет:

«Темпы коллективизации сельского хозяйства продолжали нарастать. К середине декабря в Нижне-Волжском крае свыше 60% крестьянских хозяйств вступили в колхозы, в Крыму — 41%, на Средней Волге и Северном Кавказе — 35, в Сибири — 28, на Урале — 25, в ЦЧО — 16,7, на Дальнем Востоке — 8,1, в Чувашской АССР — 8,5 и т.д.»¹⁹

Интересы кулаков были серьезно задеты, сопротивление с их стороны усилилось, одной из его форм был хищнический убой скота. Советская власть отреагировала 16 января 1930 года постановлением «О мерах борьбы с хищничес-

ким убоем скота», которое, по утверждению Ивницкого, не помогло. И только потом, 30 января принимается постановление о репрессиях.

Конечно, можно предположить, что господин Ивницкий за почти 40 лет свое мнение изменил, поскольку что-то новое узнал. Только почему-то основания, изменившие мнение, он не предъявил. Доказательств, что рост численности колхозов происходил в массе своей из-под палки, автор не предоставил. Зато в советской монографии он вполне убедительно продемонстрировал экономические причины, которые привели к такому росту. Вот и интересно, куда ж за 40 лет эти основания-то подевались?

Примечательно, что в советской монографии Ивницкого во второй главе целый раздел посвящен формам противодействия колхозному строительству со стороны кулачества. Автор приводит цифры со ссылкой на архивные документы:

«В 1929 году только в Средне-волжском крае было зарегистрировано более 400 террористических актов против 183 в 1928 году.(...) По приблизительным подсчетам, в 1929 году жертвами кулацкого террора стали около 10 тысяч коммунистов, комсомольцев, рабочих, колхозников, батраков и бедняков против 1150 человек за период с 1 января 1926 по 1 сентября 1927 года. Это была настоящая борьба не на жизнь, а на смерть.»²⁰

И про хищнический забой скота он тоже не забыл упомянуть:

«На Украине поголовье скота снизилось в 1929 году, по сравнению с 1928 годом: крупного рогатого скота — почти на 1 млн. голов, свиней — на 2,8 млн., овец и коз на 1,1 млн. голов.(...) Только по одному Петропавловскому округу [Казахстан. — Федотов] за 9 месяцев 1929 года поголовье скота уменьшилось на 831 тыс. голов, то есть почти на половину.»²¹

И про подпольные кулацкие организации, разрабатывавшие планы восстаний:

«На Северном Кавказе в 1929 году было раскрыто и ликвидировано 370 контрреволюционных группировок и организаций с общим числом участников 3736 человек против 228 группировок и 1635 участников в 1928 году. В Сибири

18. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М., 2009. С.52.

19. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С.93.

20. Там же. С.119.

21. Там же. С.122-123.

за вторую половину 1929 г. было ликвидировано 155 контрреволюционных группировок, насчитывавших 1224 человека.»²²

Однако в монографии 2009 года про все это – ни слова. Наоборот, как говорится, кулаки превращаются... превращаются кулаки... в «самую дееспособную и трудолюбивую часть крестьянства.» Так прям и пишет:

«Деревня лишилась [в ходе репрессий – Федотов] самой дееспособной и трудолюбивой части крестьянства.»²³

Если это так, то кто же резал скот, убивал коммунистов, создавал контрреволюционные организации и организовывал повстанческие выступления? Или не было этого вовсе? Тогда в предисловии господин Ивницкий должен был не о страданиях своих рассказывать, а каяться перед читателями, раз наврал им в 1972 году. Нужно было поведать, под какими-такими пытками в советские времена его заставляли фальсифицировать историю. Ан нет, молчит наш «историк»...

Впрочем, не имеет смысла разбирать каждую главу современной монографии Ивницкого. Каждый может найти в интернете данный опус почитать его и убедиться, что он изобилует методологическими и логическими ошибками по примеру тех, что приведены выше.

Начнем с того, что в советской монографии ни о каком голоде Ивницкий вообще не упоминает. В последней главе автор рассказывает о трудовом перевоспитании кулаков и на этом заканчивает.

Безусловно, все буржуазные исследователи в один голос говорят, что данная тема была в советские времена засекречена, поэтому-то трудов по данной теме в советские времена не было. Действительно, в советской историографии проблемы голода 1933 года не существует. Но причины тут могут быть разные, а не только «сокрытие правды», как то буржуазные лакеи буржуазии стремятся представить. В частности, одной из таких причин, как я уже говорил выше, могла быть некорректная статистика и невозможность точно установить потери от голода.

Здесь стоит отметить, что к 1932 году коллективизация в основных зерновых районах практически полностью завершена, равно как завершено и раскулачивание. Поэтому собственно кулацкий террор и саботаж причиной голода быть никак не мог. Равно как не могли быть причиной голода и перегибы в коллективизации, поскольку они относились к более раннему периоду.

Однако обратимся к монографии Ивницкого. Разговор о голоде он начинает с хлебозаготовительной кампании 1932 года. Аргументация, в общем-то, та же, что и у предыдущего автора. Дескать, советская власть, не считаясь с объективными условиями, зависила планы хлебозаготовок, в результате колхозы остались на зиму без хлеба. Автор сообщает:

«По данным известного историка-аграрника Е.Н. Осолкова, валовое производство зерна в 1932 г. составило 35,5 млн. ц (213 млн. пуд.) против 69,7 млн. ц (418,2 млн. пуд.) в 1931 г. План хлебозаготовок на 1932 г. был установлен согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. в размере 154 млн. пуд. или 63,8% от валового сбора, в то время как в 1931 г. при валовом сборе в 418,2 млн. пуд. план хлебозаготовок составлял 154 млн. пуд. или 36,8%. Все это говорит о том, что план хлебозаготовок был нереальным и невыполнимым.»²⁴

Откуда взял Осолков эти данные – непонятно. Его работа, на которую ссылается Ивницкий, называется «Голод 1932—1933. Хлебозаготовки и голод 1932/33 г. в Северо-Кавказском крае». Методика подсчета не ясна. Очень похоже на то, что это вообще данные только по Северному



Однако вернемся к теме голода 1932-1933 годов. Повторю, буржуазная версия событий такова, что, несмотря на хороший урожай, полученный в 1932 году, советская власть на местах изъяла зерна больше, чем было допустимо, в результате в конце 1932 – первой половине 1933 года в СССР разразился голод, унесший несколько миллионов жизней.

22. Там же. С.128.

23. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М., 2009. С.61.

24. Там же. С.136.

Кавказу, а Ивницкий не разобрался и посчитал их общими данными по СССР. На это указывает ряд обстоятельств.

Во-первых, автор сам чуть позже ссылается на постановление северо-кавказского крайкома партии, в котором сообщается:

«вследствие сравнительно неблагоприятных природных условий снизил сокращенный в сравнении с прошлым годом план хлебозаготовок на 59 млн. пуд., принять к неуклонному и безусловному исполнению окончательный годовой план хлебозаготовок по колхозно-крестьянскому сектору в размере 97 млн. пуд...»²⁵

То есть план до внесения изменений был 156 млн. пуд.

Во-вторых, существует Постановление Комитета заготовок с/х продуктов при СТО о сокращении годового плана хлебозаготовок урожая 1932 г. по Северо-Кавказскому краю в связи с недородом. 1 октября 1932 г, в котором говорится:

«В соответствии с постановлением правительства, ввиду резко неблагоприятных условий урожая на Северном Кавказе, сократить план хлебозаготовок по Северному Кавказу на 606,1 тыс. т (37 млн. пуд.), из коих 163,8 тыс. т (10 млн. пуд.) по совхозам всех систем и 442,3 [тыс. т] (27 млн. пуд.) по колхозно-крестьянскому сектору.

В соответствии с этим, годовой план Северного Кавказа установить в 2425,9 тыс. т (148,1 млн. пуд.), из коих по колхозно-крестьянскому сектору — 1785,4 тыс. т (109 млн. пуд.) и 442,3 тыс. т (27 млн. пуд.) по совхозам.»²⁶

Здесь мы тоже видим цифру 148,1 млн. пуд. После сокращения. То есть 154 млн. пуд. - это краевой масштаб, а никак не общесоветский.

Можно даже простить эту неточность Ивницкому. Если мы имеем дело с данными по краю, то всё равно на лицо определенная неясность. Если вдуматься, то здесь имеется сравнение планируемых хлебозаготовок с валовым производством зерна. Судя по приведенной автором информации, план хлебозаготовок утверждался в начале мая. Но ведь сколько зерна собрано — это становилось ясно не раньше августа. План рассчитывался исходя из средней урожайности и планируемых к засеву площадей, но он не мог учитывать, к примеру, климатический фактор. Поэтому план, как минимум, мог корректиро-

ваться в соответствии с погодными условиями, повлиявшими на урожай. То есть автору следовало доказать не тот факт, что планируемый объем хлебозаготовок составлял 63,8% от валового сбора, а то что фактически столько было собрано. И за предыдущий год нужно тоже было сравнивать именно эти показатели.

Вывод, сделанный Ивницким, неверен. Что «план хлебозаготовок был не реальным и не выполнимым» - это можно было понять только в ходе и по итогам сбора урожая, а никак не раньше. Его нереальность была отнюдь не очевидна в мае 1932 года.

Кроме того, акцентирую внимание читателя, на одной немаловажной детали: производство зерна в 1932 году в одном из самых хлебных регионов было В ДВА РАЗА меньше, чем в предыдущем. В то же время план на 1932 год — ТАКОЙ ЖЕ, как на предыдущий. Это при том, что курс советской власти на рост производства товарного зерна не оспаривается ни одним из буржуазных авторов. Они лишь утверждают, что план постоянно завышался безосновательно. Но тут он не был повышен вообще. Что могло послужить причиной? Почему-то Ивницкий не задается этим вопросом...

Вообще странно, что климатический аспект хлебозаготовительных кампаний 1931-1932 годов практически всеми буржуазными авторами обходится стороной. Лишь вскользь упоминается, что 1931 год был неурожайный. Но в какой мере и как это повлияло на состояние резервов и семенного фонда — серьезных исследований здесь никто не проводит.

Тот же Ивницкий склонен сваливать всё на субъективный фактор. То есть на неправильный план и нарушения местных советских органов. Так, он приводит данные по Славянскому району на Кубани со ссылкой на секретно-политический отдел ОГПУ, из которых видно, как на местах завышались показатели по сбору урожая.

«Как видим, разброс — от 32,9% до 84,9%, но прослеживается одна и та же тенденция: районы завышали урожайность по сравнению с данными пробных обмолов. А из этого исходили районы при определении валовых сборов зерна и планов хлебозаготовок.»²⁷

Проще говоря, на местах завышали показатели, а планирующие органы, исходя из этих ложных данных, спускали план. Ивницкий, конечно, приводит эти данные для того, чтобы обвинить

25. Там же. С.142

26. <http://istmat.info/node/38004>

27. Ивницкий Н.А. Там же. С.139.

советскую власть. Но, если вдуматься, то врать планирующим органам – это преступление, поэтому-то о таких случаях и сообщает ОГПУ. Советская власть не давала указаний врать, а боролась с этим враньем, поскольку оно вредило народному хозяйству. Только автор, конечно, умалчивает о дальнейшем развитии событий по результатам подачи подобных докладных записок. Зато он пытается представить дело так, будто вместо разбирательства по поводу подтасовок ОГПУ перешло к террору.

«Для форсирования хлебозаготовок и борьбы с «саботажем» и «контрреволюционными» и «антисоветскими элементами» полномочное представительство ОГПУ по Северному Кавказу дало указание оперсекторам и райотделениям ОГПУ на местах об организации заслонов, создании бригад по охране урожая и его транспортировке, были посланы в 45 решающих по хлебозаготовкам районов оперативные работники ОГПУ для «нанесения удара по активному контрреволюционному кулацкому элементу». Одновременно с этим дана санкция на арест («изъятие») «саботажников» хлебозаготовок, в результате только за 20 дней августа было арестовано 2793 человека.»²⁸

Картина у читателя должна сложиться следующая. Дескать, власти на местах фальсифицируют данные, из-за этого в колхозы идет завышенный план, колхозники сопротивляются хлебозаготовкам, но получают со стороны ОГПУ террор в ответ.

Однако вдумчивому читателю очевидно, что что-то здесь не стыкуется. Ведь ОГПУ в курсе подтасовок, в курсе, что плановые показатели завышены. ОГПУ докладывает о таких случаях в вышестоящие центральные советские органы власти. Но, по какой-то непонятной логике, советская власть руками ОГПУ обрушивает репрессии на тех, кто не может выполнить хлебозаготовки, запланированные по ложным данным.

С чего, интересно, Ивницкий взял, что репрессии обрушились на головы именно тех, кто не мог выполнить доказано завышенные планы хлебозаготовок, а не на тех, кто реально саботировал хлебозаготовки? Но наш автор – известный подтасовщик, ему не впервой...

Вообще, проблема саботажа хлебозаготовок у автора обойдена стороной, почему-то все действия

советских органов по борьбе с саботажем безосновательно объявляются «репрессиями.» Почти 3 тысячи арестованных за 20 дней, но ни одного примера безосновательного осуждения автор не приводит. Он вообще не считает нужным изучать эти уголовные дела хотя бы выборочно.

Ивницкий упирает на то, что хлебозаготовки проводились жестокими методами. Но причина этой жестокости не выявлена. Не иначе, большевики «репрессировали» бедных колхозников «из природного садизма.» Но снова что-то не клеится у нашего автора. Ведь факт массового сокрытия зерна колхозами он признаёт:

«В спецсводке Секретно-политического отдела ОГПУ о выполнении плана хлебозаготовок в Северо-Кавказском крае отмечалось, что план хлебозаготовок по 13 решающим районам Кубани выполнен на 69%, сева — на 65,4%. На 4 декабря 1932 г. в крае арестовано 13803 человека (без задержанных заслонами), в том числе на Кубани — 4760 человек. Изъято 69,5 тыс. ц зерна, из них 36,5 тыс. ц на Кубани.»²⁹

Безусловно, признает он это с целью обвинить советскую власть в организации голода. Но тут снова просвечивается буржуазная партийность Ивницкого. Конечно, если на ситуацию смотреть с позиции колхоза (а колхоз – это кооперативная форма собственности, то есть, фактически, коллективная форма частной собственности), то ему выгоднее большую часть произведенного продукта оставлять себе. Особенно, учитывая, что в мае 1932 года колхозам была разрешена торговля хлебом³⁰. Однако, если взглянуть на ситуацию с позиции рабочего класса, то колхозное хозяйство в той мере является социалистическим, в которой произведенный им продукт является общественным продуктом. Одно дело, если колхоз не выполняет план, к примеру, в силу климатических условий. Совсем другое – если необходимый объем зерна собран, но утаивается с целью сбыта по рыночным, а не государственным ценам. Особенно тяжким преступлением это является, если складываются чрезвычайные условия.

Что примечательно, вопрос урожайности летом 1932 года тоже обходится стороной и Кондрашиным, и Ивницким. Они ограничиваются лишь данными, которые демонстрируют отставание реальных показателей от запланированных. Серьезного исследования вопроса урожай-

28. Там же. С.141.

29. Там же. С.147.

30. <http://istmat.info/node/379>

ности практически никто не проводит.

Однако американский исследователь Марк Таугер в одной из своих научных работ³¹ высказал интересную мысль. Он утверждает, что сама советская система подсчета урожайности, действовавшая в 1932 году, имела серьезные недостатки, приводившие к неправильной оценке,



десятки тысяч колхозов, точно посчитать, сколько зерна собрано? Оценить урожайность на корню — это еще выполнимая задача. Можно пригласить представителей, которые на квадратном метре сделают соответствующие замеры. Это называлось «пробный обмолот.» Но зерно нужно не только собрать, но и сохранить, загрузить в амбары. Можно представить, каков должен быть контролирующий аппарат, чтобы в каждом колхозе проконтролировать этот процесс от начала до конца. Задача абсолютно невыполнимая. Значение субъективного фактора здесь очень велико, поле для фальсификаций открывается огромное.

Таугер, в частности, утверждает, что система сбора данных об урожае в колхозах была неудовлетворительной:

«По стандартному колхозному уставу образца 1 марта 1930 года каждый колхоз был обязан подготовить годовой отчет, но выполняли это требование только единицы. В 1930 году только 33 % из 80 000 колхозов представили годовые отчеты, в 1931 году — всего 26,5 %

*из 230 000 колхозов, в 1932 году — менее 40 % от того же числа коллективных хозяйств.»*³²

Кроме того, автор приводит примеры расхождения данных в советских документах того периода. Так, данные наркомзема, ЦУНХУ и официальной статистики по урожайности в 1932 году отличались следующим образом (в центнерах с га): по СССР 5,4 против 6,8 и 6,8; по РСФСР — 6,0 против 6,5 и 6,5; по ЦЧО — 6,4 против 6,4 и 8,8; по Украине — 5,1 против 5,1 и 8,0 и т.п. Официальная статистика приводится по справочнику «Сельское хозяйство СССР», 1936.

Большей репрезентативностью обладают данные по совхозам, поскольку совхоз — государственное предприятие, то есть общественная собственность. Весь производимый в совхозах урожай являлся государственной собственностью. Так вот, совхозы в 1932 году недовыполнили план по хлебозаготовкам на 40%, собрав 475 тыс. тонн зерна, а по официальным данным совхозы собрали 1,56 млн. тонн. Таугер указывает, что такая разница сложно объяснима чем-то иным, нежели тем фактом, что урожайность здесь тоже рассчитывалась на корню, а в амбарах оказывалось значительно меньшее количество³³.

Из всего этого, автор делает вывод, что данные по собранному урожаю за 1932 год сильно завышены. Исходя из наличия примерных данных по средней урожайности в колхозах и зная размер посевных площадей, можно получить данные по урожаю. Таугер приходит к выводу, что полученные таким методом данные на 30-40% ниже официальных³⁴.

Безусловно, любая экстраполяция ущербна. Однако одно дело, к примеру, как то делает Кондрашин, экстраполировать данные нескольких районных ЗАГСов на всю область, совсем другое — экстраполировать данные по отчитавшимся колхозам на не отчитавшиеся колхозы. Здесь у экстраполяции гораздо больше оснований, поскольку нет данных, позволяющих предполагать сильно большую урожайность в последних. А если предположить меньшую урожайность, то отличие

31. См. <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2FiHaveBook.org%2Fbooks%2Fdownload%2Fpdf%2F6555%2Fmark-tauger-o-golode-genocide-i-svobode-mysli-na-ukraine.pdf&name=mark-tauger-o-golode-genocide-i-svobode-mysli-na-ukraine.pdf&page=62&c=57bdc82c8ca9>

32. Там же.

33. Там же. С.68.

34. Там же. С.69.

официальной картины от реальной будет еще сильнее.

Разоблачает Таугер и еще один буржуазный миф, будто советское правительство, понимая ситуацию с продовольствием, все равно наращивало экспорт зерна. Во-первых, по сравнению с 1931 годом, объем экспорта в 1932 году сократился более, чем в 3 раза – с 5,2 до 1,73 млн. тонн. Во-вторых, ситуация с хлебозаготовками вырисовывалась лишь постепенно, поэтому оснований еще больше снизить экспорт, допустим, в августе-сентябре 1932 года еще не было. В-третьих, объем экспорта в первую половину 1933 года составил лишь половину от экспортированного в первую половину 1932 года – 345 тыс. тонн. В-четвертых, объем помощи Украине к апрелю 1933 года превысил объем экспорта за тот же период на 60%, а общий объем помощи голодающим превысил экспорт более чем в 2 раза³⁵.

Безусловно, буржуазные моралисты могут заявить, что полное прекращение экспорта могло спасти десятки тысяч жизней. Однако договоры на поставки заключались заранее, отказ от их выполнения повлек бы за собой серьезные материальные потери для СССР, которые в любом случае легли бы на советских людей. К тому же, уж кому-кому, но не буржуазии учить коммунистов гуманизму. Для капиталиста вообще никогда не стоит выбор между прибылью и человеческой жизнью, поскольку капиталист эту дилемму решает однозначно.

Интересные мысли по поводу хлебозаготовок 1932 года высказывает и С.С. Миронин в работе «Тайны голода 30-х». К примеру, среди факторов, снижавших урожайность, он называет распространение такой болезни зерновых как ржавчина, которая могла привести к потере до 9 млн. тонн зерна. Указывает автор и на климатические причины:

«В январе 1932 года неожиданное потепление в южных областях СССР привело к началу роста озимых, а затем вернувшиеся зимние холода повредили значительную часть озимых. На Украине это привело к повреждению почти 12% засеянного осенью озимого поля.»³⁶

Кроме того, дождливыми месяцами оказались апрель, май, июнь, что плохо сказалось на урожайности.

В общем, всё указывает на то, что, действо-

вал целый ряд негативных факторов объективно-го и субъективного характера, который привел к тому, что заготовлено оказалось сильно меньше зерна, чем было необходимо. Мера, в которой каждый из факторов повлиял на возникновение голода, вряд ли может быть установлена достоверно. Однако очевидно, что тезисы буржуазных «ученых» об организованном сверху голоде или об искусственном характере голода являются не доказанными. Устраивать голод у советской власти не было никакого мотива. А предположение, будто при нормальном урожае советская власть выгребла всё подчистую и экспортировала жизненно необходимое, чтоб люди начали голодать, а потом вернула им отобранное зерно в виде помощи – за гранью здравого смысла. Во всяком случае, нужны очень серьезные доказательства сознательного членовредительства со стороны советской власти, а их нет.

Гораздо более правдоподобной выглядит версия, что по предварительным данным урожай должен был быть нормальным (предварительный обмолот это показал), однако, в итоге, зерна было заготовлено значительно меньше, чем ожидалось, в силу самых разных причин. Что зерновых запасов сильно меньше, чем должно быть, выяснилось не сразу, а в течение нескольких месяцев после сбора урожая. С этого момента уже было ясно, что голода не избежать. Вопрос стоял лишь о том, в какой форме этот голод будет. И вот только тогда пришлось предпринимать чрезвычайные меры по изъятию колхозных запасов, порой даже, сверх меры, необходимой для выживания. Однако реальность ставила советскую власть перед суровым выбором: либо выжать из колхозов по максимуму зерновые запасы, чтоб получить возможность их централизованно распределять и направлять туда, где ситуация наиболее тяжелая, либо оставить колхозам их запасы, лишиться такой возможности и обречь на голод рабочих в городах. То есть вопрос стоял не о том, как избежать голода (ибо это было невозможно), а о том, как минимизировать потери от этого голода. И вот этот вопрос – о мерах советской власти по борьбе с голодом – буржуазные ученые вообще отказываются рассматривать.

Тот же Ивницкий акцентирует внимание на форме чрезвычайных мер по хлебозаготовкам, принятых советской властью, но на причины вни-

35. Там же. С.73.

36. <http://stalinism.ru/kollektivizatsiya/taynyi-goloda-30-h.html>

мания не обращает. Наоборот, в ход идет абсолютно непонятная логика. Так, автор сообщает:

«Следует отметить, что невыполнение плана хлебозаготовок в подавляющем большинстве случаев происходило не из-за саботажа и расхищения хлеба, а из реальных возможностей.

Валовый сбор зерновых на Украине в 1932 г. был 780,8 млн. пуд., а план хлебозаготовок — 356,0 млн. пуд, т. е. 45% от валового сбора, в то время как в 1931 г. валовый сбор составлял 1079,7 млн. пуд., а план — 434,0 млн. пуд (40,2%), а фактически хлебозаготовки в 1931/32 г. составили 415,4 млн. пуд или 38,5%.»³⁷

Вот что значат эти «реальные возможности»? Как установлена степень их «реальности»? Учитывая, что колхозам разрешили торговать зерном и на рынке, понятно, что чем больше зерна останется у колхоза, тем ему лучше. То есть мотив придерживать зерно, а, следовательно, уменьшать свои реальные возможности по хлебосдаче у каждого колхоза был.

К тому же, наш автор проговорился. Оказывается, валовый сбор в «благополучном» 1932 году по Украине оказался на 300 млн. пуд. меньше, чем в засушливом 1931-м. Более того, план хлебозаготовок при меньшем валовом сборе в абсолютных показателях оказался меньше почти на 80 млн. пуд. Зачем здесь автор вообще берет относительные показатели — непонятно. Для доказательства того, что советская власть увеличивала нажим на колхозы и забирала в процентном соотношении всё больше и больше? Ну так советская власть забирала столько, сколько требовалось для нужд народного хозяйства. Рабочему, к примеру, необходимо употреблять 1 кг хлеба в день, а вот сколько этот килограмм составляет в процентном отношении к валовому производству зерна, — для рабочего не важно, поскольку норма потребления определяется биологическими особенностями человека как вида. Другое дело, что для рабочего важна абсолютная величина произведенного зерна. Если его недостаточно для нормального потребления каждым членом общества, то и рабочему придется снижать потребление.

Снова не срывается что-то у Ивницкого. Урожай собрали меньше, план поставили меньше, но он все равно «не реален» для колхозов, поскольку

ку в абсолютных показателях у колхозов останется меньше зерна. Тут как раз вполне логично, что меньший валовый сбор неминуемо должен негативно сказаться и на непосредственных производителях, в том числе. Если при плохом урожае оставить колхозам столько же в процентном соотношении, сколько и при хорошем, то вполне может оказаться, что рабочие получают в абсолютных показателях меньше хлеба, чем то необходимо для элементарного выживания.

Таким образом, здесь автор снова являет читателю свою буржуазную партийность. Об интересах «непосредственного производителя» он печётся, но абсолютно не переживает, что в чрезвычайных условиях реализация этих интересов могла обречь на голодную смерть миллионы городского населения. Это как раз и есть та самая кулацкая линия в колхозном строительстве, с которой боролась советская власть. Как бы это ни звучало нелепо для не обогащенного диалектикой сознания, но, действительно, кулачество было уже, разгромлено, а кулацкая линия вполне себе существовала и проявлялась она как раз в том, что колхозы всеми правдами и неправдами ставили свои узко-групповые интересы выше интересов построения коммунизма.

Тем и объясняется жесткость действий советской власти, что выжимание хлеба из колхозов на сей раз было условием выживания городов. В 1930-1931 годах не было такого нажима на колхозы, поскольку и условия были другие. Вопрос добросовестный исследователь должен был поставить следующим образом: соответствовали ли принятые чрезвычайные меры сложившимся условиям, или не соответствовали; какие цели преследовали эти меры; были ли достигнуты эти цели? Но совесть господина Ивницкого имеет вполне конкретное денежное выражение, поэтому он просто пытается разжалобить читателя сообщениями о «десятках тысячах ни за что репрессированных» и, даже не пытаясь составить объективную картину продовольственного положения в стране, делает безосновательный и абсурдный вывод:

«Но даже заготовленного в 1932/33 г. зерна хватило бы, чтобы избежать голода, если бы соблюдался принцип материальной заинтересованности колхозов и колхозников, крестьян-единоличников в результатах своего труда, что

предлагали в свое время Я.Э. Рудзутак, С.В. Косиор, М.М. Хатаевич.»³⁸

По-моему, наш автор опять проговорился. Ведь получается, что заготовленного зерна хватало, чтобы избежать голода. Но голода не удалось избежать, поскольку «не соблюдался принцип материальной заинтересованности колхозов». Проще говоря, господин Ивницкий здесь утверждает, что колхозы прятали зерно из-за несоблюдения этого принципа советской властью. Следовательно, выходит, именно это и стало причиной голода. Если б он сказал, что несоблюдение этого принципа привело к тому, что крестьяне посадили и собрали меньше зерна, то было бы другое дело. Но, получается, собрали много, но не захотели отдавать...

Не разобравшись с причинами голода и с мерами советской власти по минимизации его последствий, Ивницкий переходит к разговору о его масштабах. Проще говоря, снова ставит вопрос абстрактно-морализаторски и пытается до кристального блеска вылизать буржуазии зад, всячески преувеличивая масштабы голода.

Приемы используются те же самые, что и у Кондрашина. К примеру, приводятся документы о тяжелом положении в определенных районах, но ни слова о том, какие меры предпринимались в ответ на такие обращения с мест. Или, допустим, автор приводит данные о том, что советская власть препятствовала перемещению крестьян из голодающих районов в другие:

«На железнодорожных станциях и вокзалах задержано 65 234 человека. Возвращено на прежнее место жительства 186 588 человек, привлечено к судебной ответственности — 9385 человек, осуждено — 2823, «отсеяно» — 9282, заключено в фильтрационные лагеря — 10657 человек и т. д.[319]. В числе задержанных крестьян, по признанию органов ОГПУ, основную массу (86,4%) составляли голодающие в поисках хлеба.»³⁹

Обвиняя власть в «репрессиях», автор не задумывается, чем могло обернуться такое неконтролируемое перемещение в чрезвычайных условиях, когда продовольствия и так мало и направляется оно адресно в наиболее пострадавшие районы. Плюс господин Ивницкий забыл про

эпидемию того же тифа, который как раз и распространяется от человека к человеку.

Вопрос о помощи голодающим затрагивается лишь вскользь. Вместо оценки масштабов этой помощи, автор представляет дело так, будто советская власть оказывала помощь в явно недостаточном объеме. Вопрос о том, была ли возможность оказать помощь в достаточном объеме, опять же, не ставится.

«Секретарь Мелитопольского райкома партии Толстомят просил Хатаевича хотя бы 1 тыс. пуд. продовольственной помощи району. На документе Хатаевич написал резолюцию о срочном выделении району 500 пуд. хлеба, а копии письма направил в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У.»⁴⁰

С чего господин Ивницкий взял, что у советской власти, которая представляла общую картину голода, были эти недостающие 500 пудов в наличии? Факт здесь как раз в том, что по обращениям с мест, действительно, шла помощь в том объеме, который советская власть могла обеспечить. Эти 500 пудов, конечно, не могли спасти всех голодавших. Но они спасли хотя бы половину. В свое время такая помощь со стороны советских органов спасла семью самого Ивницкого. Но он про это предпочитает не вспоминать...

Или вот другой пример. Автор ссылается на обращение в обком секретаря Теофипольского района с просьбой о помощи и цитирует ответ, в котором секретарь обкома отказывает в помощи на том основании, что «голодают одни лодыри» и «сотни центнеров разбазарено самими колхозами»⁴¹. Из чего Ивницкий делает вывод, что голод замалчивался руководителями среднего звена. Однако никаких других данных о положении дел в данном районе он не приводит, никаких достоверных данных о погибших там от голода не предоставляет.

Что же касается оценки масштабов голода на Украине, то автор здесь еще более бессовестен, чем Кондрашин, который хотя бы попытался проанализировать данные ЗАГСов. Ивницкий заявляет следующее:

«Смертность сельского населения Украины в 1933 г. в 4 раза превысила рождаемость, а в первой половине 1934

38. Там же. С.190.

39. Там же. С.199.

40. Там же. С.203.

41. Там же. С.206.

г. — в 1,5 раза, так как продолжали сказываться последствия голода 1932-1933 гг. Даже по косвенным данным, в 1933 г. смертность от голода составила 2,9 млн. человек, а поскольку люди умирали и в конце 1932 г., и в первой половине 1934 г., то общие потери на Украине от голода начала 1930-х годов следует считать примерно 3,5 млн. человек, т. е. более 10% проживающего в то время населения.»⁴²

Ну, во-первых, нужно было посмотреть, насколько смертность превышала рождаемость в предыдущие годы. Вполне вероятно, что и в предыдущие годы, когда голода не было, смертность тоже превышала рождаемость.

Во-вторых, далеко не всё превышение смертности над рождаемостью может быть следствием именно голода, тем более, что речь идет только о сельском населении. К примеру, превышение смертности над рождаемостью на селе могло быть вызвано оттоком населения в города. Ведь в города перетекало наиболее трудоспособное и молодое население. Следовательно, относительная смертность на селе росла, а рождаемость, наоборот, падала.

В-третьих, что за такие косвенные данные, о которых пишет автор? Несколькими страницами ранее автор приводил данные ГПУ, из которых следовало, что от голода по состоянию на середину марта умерло только в Киевской области 13 тысяч человек⁴³. Даже если безосновательно экстраполировать эту цифру на 6 областей Украины, то получается порядка 80 тысяч, что даже при умножении на 10, 20 или 30 никак не дает 2,9 млн.. Так что эти несуществующие голодные смерти целиком и полностью на совести господина Ивницкого.

По Северному Кавказу данные тоже не внушают доверия. Автор сообщает о том, что погибло около миллиона человек. Однако ссылается он лишь на уже упомянутого ранее Осколкова, по данным которого за 1933 год умерло 424 тысячи человек, против 123 тысяч в 1932 году. То есть, избыточная смертность составила 300 тысяч человек. Если даже посчитать их всех умершими именно от голода, то откуда взялся

миллион умерших у Ивницкого? Однако, сами эти данные Осколкова тоже довольно сомнительны, поскольку, как известно, прямые доказательства отсутствуют.

Что касается Поволжья, то автор ссылается на Кондрашина, по оценке которого погибли от голода 200-300 тысяч человек. Однако методика подсчета Кондрашина уже разбиралась в предыдущем разделе.

По Центрально-черноземному району автор и вовсе набирается наглости и сообщает:

«Всего в ЦЧО, по нашим подсчетам, умерло от голода и сопровождающих его болезней около 200 тыс. человек.»⁴⁴

Как он считал — пёс его знает. Учитывая «добросовестность» господина Ивницкого, верить ему на слово нет ни малейшего основания.

По Казахстану, видимо, не найдя даже косвенных данных или же не желая их искать, автор ограничился непонятно откуда полученными цифрами по сокращению сельского населения и констатировал, что «многие погибали.» Здесь примечательны ссылки на газету «Казахстанская правда» от 1989 года как «источник»⁴⁵. Правда, в заключении он пишет, что в Казахстане жертвами голода стали от 1,5 до 1,8 млн. человек, с оговоркой «вместе с откочевкой за рубеж и другие районы»⁴⁶. Как считал — снова непонятно.

Таким образом, практически все подсчеты Ивницкого имеют надуманный характер, никаких доказательств в пользу их верности он не представил. В заключении, недостаток аргументов он решил «компенсировать» мнением некой «международной комиссии по расследованию голода 1932-33 годов, которая насчитала аж «минимум 7,5 млн. погибших»⁴⁷. Как считала — это снова нашего автора не интересует.

В общем «научная монография» Ивницкого изобилует фактическими, методологическими и логическими ошибками. События в ней изложены с позиций класса буржуазии. Основные выводы сделаны неверно и без достаточных оснований. Можно смело утверждать, что и данный, один из наиболее авторитетных в буржуазной науке, труд по вопросу коллективизации имеет нулевую научную ценность и служит целям сокрытия объективной истины.

42. Там же. С.209.

43. Там же. С.205.

44. Там же. С.230.

45. Там же. С.239.

46. Там же. С.243.

47. Там же. С.244.

Общие выводы

1. В наиболее общем виде приемы фальсификации советской истории были сформулированы Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГе». После прихода к власти буржуазии появилось множество научнообразных трудов, целью которых была пропаганда буржуазного взгляда на советский период и формирование буржуазной исторической «науки», профессионально занявшейся очернением коммунизма при помощи демонизации советской истории.

2. Одним из буржуазных мифов является голод 1932-1933 годов, причиной которого, якобы, стала политика советской власти в деревне (коллективизация) и который, якобы, унес жизни нескольких миллионов человек. Однако буржуазная историография по данному вопросу изобилует разного рода методологическими ошибками и прямыми фальсификациями, что позволяет сделать вывод о недоказанности буржуазной версии событий, как в части причин голода, так и в части его последствий.

3. Голод в СССР в конце 1932 – первой половине 1933 года, действительно, имел место. Он был вызван рядом субъективных и объективных причин. Одной из основных субъективных причин было обострение классовой борьбы в ходе коллективизации и те потери, которые понесло сельское хозяйство от вредительства со стороны кулачества. Другой субъективной причиной была плохая организация работы колхозов, широкое распространение в них саботажа и вредительства. В числе объек-

тивных причин – засуха в 1931 году, приведшая к недостатку семян во время посевной 1932 года, плохое физическое состояние крестьян после относительно голодной зимы 1931-32 гг. и т.п. Сочетание этих факторов привело к нехватке продовольствия на зиму 1932-33 гг.

4. Советская власть осознавала тяжесть сложившегося положения и по мере возможностей помогала наиболее пострадавшим районам, но исключить повышенную смертность возможностей не было. Репрессивные меры в конце 1932 года, направленные на выполнение хлебозаготовительного плана, были обусловлены как раз пониманием масштабов надвигавшейся катастрофы. Речь шла уже не о голоде, а о минимизации потерь от него.

5. Задача оценки потерь от голода осложнена отсутствием прямых доказательств. Работа органов ЗАГС в те годы была организована неудовлетворительно, медицинское освидетельствование причин смерти не производилось. Буржуазная оценка потерь, в лучшем случае, основана на косвенных данных, с использованием необоснованных экстраполяций. В худшем – на разного рода математических «демографических» методах, причем разброс количества потерь при подобных подсчетах разными авторами достигает нескольких миллионов человек. Это как раз свидетельствует о порочности таких методов. В данный момент можно лишь утверждать, что точное количество потерь не может быть установлено, а буржуазные выкладки безосновательны.

Август - сентябрь 2016

ВНОВЬ О «ПАТРИОТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ» СТАЛИНА

Анатолий РЕДИН и Игорь ЯКИЛУС

Продолжая упорствовать в своем невежестве, Сарматов сформировал очередную грудю нелепейших ошибок в своей известной теории о патриотическом повороте Сталина. Напомним, что данную мысль Сарматова и его напарника Голобиани мы уже «заслушивали» в соответствующей статье¹. Однако ранее позицию Сарматова и Голобиани мы с вами определили как «нечеткую и недостаточно ясную». Сарматов этого оставить, видимо, не смог, поэтому склонился над печатной машинкой и через семь месяцев оппортунистических мук, наконец, внес очередную «полную ясность»². Вероятно, эта новая статья является ответом на наш ему вызов:

«Предлагаем Сарматову, Голобиани и их сторонникам доказать научную несостоятельность любой цитаты и даже тоста Сталина про русский народ или русское оружие, которые, по их мнению, стали компромиссом и заимствованием буржуазных арсеналов. А также объяснить полный и бескомпромиссный разгром националистического подполья в СССР в 30-е годы, и то, как уважаемые авторы «забыли» про вопрос об отношении Советской власти и РПЦ в годы войны, детально исследованный т. Лбовым?»

Отдельно следует отметить, что статья Сарматова как обычно пестрит ошибочными выражениями, нелепыми тезисами и некоррект-

ными высказываниями. Приведем несколько примеров из начала статьи, но не будем останавливаться на вещах такого рода и тратить на них время читателей. Например, образец стука в открытую дверь: *«Классовая борьба, которую ведёт пролетариат во главе с коммунистами, кардинально отличается от всех других форм политического противостояния в буржуазном обществе»*. Или вот это: *«Лидер партии большевиков... Ленин»*. Это не уступает *«известному марксисту Ленину»* Голобиани, правда же? Они как будто соревнуются в корявости и неуместности своих выражений.

Совершенно не ясно, каким образом позицию Сарматова по Атаютюрку, кстати, тоже, нелепую, подтверждает статья, на которую он ссылается. Авторы ГК прописывают ссылки в надежде, что нерадивый читатель не «упадет» в них?

Вот «хорошая» мысль Сарматова из той же оперы:

«Любая уступка может быть воспринята не как временное отступление перед чуждыми силами, а как дополнение марксистской теории, принципиальный момент. Либо — наоборот, как предательство, капитуляция перед буржуазией — в силу “революционного нетерпения”, требования “всего и сразу”, проявляемых некоторыми революционерами во все эпохи».

Выходит так, что проблема политических

1. А. Редин и И. Якилус «Как отличить колебания от троцкизма?» в «Прорыве» №4 (50) 2016 (http://proriv.ru/articles.shtml/guests?vs_lc5)

2. В. Сарматов «Буржуазный патриотизм и сталинская ВКП(б)» в ГК от 29 января 2017 (<http://compaper.info/?p=6836>)

компромиссов была в том, что партийные массы как будто не знали о сути данных компромиссов. Словно компромиссы были тайными. Будто не оппозиционеры делали вывод о том, что Ленин, пропагандируя НЭП, ошибся с анализом конкретно-исторических условий, а послушные массы решили, что Ленин дополнил марксизм НЭПом. Вот незадача! Всего-то Ленину нужно было лишь объявить, что НЭП — это не марксизм, а вынужденный шаг назад под давлением обстоятельств. Но подождите... Ведь Ленин так и говорил! Неужели Сарматов верит, что партийные массы и сознательные пролетарии реально считали, что Ленин решил выдать НЭП за коммунизм, словно он Зюганов? Конечно, нет, это совершенно не соответствует историческим фактам. Это Сарматов, критикуя Зюганова сегодня, решил его забросить в дискуссию о профсоюзах и воображает такую виртуальную историческую ситуацию. Будто проблема была в том, что массы де «воспринимали».

Если оставить всю эту дурость, то дело обстоит совершенно иначе. Проблема была не в том, как партийные массы воспринимали тот или иной компромисс, а в том, чтобы доказать им его необходимость, исходя из анализа условий, в которых он предлагается руководством партии, на базе разной оценки условий, и существовали политические противоречия. Это зюгановцы выдают НЭП за коммунизм совершенно из других теоретических посылов, а вовсе не из ошибочного «восприятия» компромиссов. Не из «компромиссных» же ошибок восприятия они занесли в программу КПРФ смешанную экономику... Сарматов так сильно путается, что все время устраивает одно и то же вульгарное путешествие из практики своего политического протеста в большевистское прошлое вместе со всем своим конкретно-историческим «багажом» и острым «жжением» уличить Путина, КПРФ, Подгузова на разбираемом историческом материале. Вот уж действительно хорошая иллюстрация порочности знаменитого тезиса об опрокидывании политики в прошлое. Только в случае с Сарматовым, он в форме политических вопросов опрокидывает в прошлое свою протестную психологию и страстное желание обличить. Впрочем, Покровского придется еще вспоминать.

Иногда свой исторический бред Сарматов возвращает в современность:

«И сегодня не счесть числа “марк-

систов”, которые обвиняют Ленина в измене, отходе от учения Маркса, замене его на “реалполитик”. И еще более многочисленны люди, утверждающие то же самое, но “со знаком плюс”. Мол, Ленин — не “коммунистический фанатик”, а прагматик, который понял утопичность классового подхода, ликвидации частной собственности и т. д. Особенно часто подобный вымысел спекулирует на “Новой экономической политике”».

Что это за множество не поддающихся счету якобы марксистов, которые обвиняют Ленина в измене Марксу? Наверняка какие-то отдельные такие деятели и есть, но разве они имеют влияние или вообще хоть как-то заслуживают внимания? Строго говоря, нам люди, называющие себя марксистами, но считающие Ленина предателем, не известны. Может быть, Сарматов выдумывает или сильно драматизирует?

Еще более сомнительно выглядит тезис о наличии в политике «еще более многочисленных» людей, которые полагают, что Ленин «понял утопичность классового подхода и ликвидации частной собственности». Хотелось бы изучить политическую позицию этих «людей». Да только где ее взять, если не из фантазии Сарматова?

Смехотворность приведенной цитаты объясняется достаточно просто: Сарматов берет отдельные особо раздражающие его обывательские заблуждения, которые не имеют никакого отношения к политике и к каким бы то ни было политическим теориям. Сарматов кладет критику этих кухонных заблуждений в основу своих статей. С тем же «успехом» можно было бы критиковать любой вздор из рядовой интернет-дискуссии школьников. Но смысл и цель пропаганды, между прочим, состоит в том, чтобы показывать научную несостоятельность в известной степени устойчивых и главное относительно системных политических взглядов, как правило, выраженных в политических теориях, доктринах, концепциях, программах и статьях. А также, пожалуй, самое важное, критиковать не только сами эти взгляды, но вскрывать условия, их порождающие, и доказывать несостоятельность исторической практики их применения. Эти азы, видимо, неизвестны Сарматову либо им игнорируются.

Посмотрим же, что у него получилось с содержательной точки зрения. Порядок начальных

мыслей Сарматова следующий.

1) Ленин полагал политические компромиссы с временными союзниками и высмеивал обратное — подтверждено цитатой. Это бесспорно.

2) Ленин полагал компромиссы в идеологии — а это бездоказательный домысел автора, который сознательно приклеен к очевидному положению необходимости компромиссов с временными союзниками. Для всякого имеющего на плечах голову человека ясно, что компромисс в идеологии — есть ревизия теории. Если бы Сарматов внимательно читал Сталина «Об основах ленинизма», то заметил бы, что Сталин рассматривает компромиссы исключительно с точки зрения отношения реформизм-революционизм, то есть исключительно как акты политической практики.

3) *«Та же судьба постигла и компромиссы, которые коммунистическая партия вынуждена была осуществлять в годы, когда во главе ее стоял И. В. Сталин. Здесь главным компромиссом, имевшим различные аспекты, стали уступки патриотической идеологии со стороны марксизма-ленинизма».* В этой фразе суть статьи Сарматова. Именно этот тезис он планировал доказать. Несмотря на то, что он к нему «пришел» незаконно, то есть через порочный п. № 2, исследуем доказательство.

Ясно, что Сарматову было необходимо начать с того, что же такое патриотизм.

«Буржуазный патриотизм (а никакого иного патриотизма в буржуазном государстве быть не может), — пишет он, — это политическая идеология, а не некое “просто чувство”, как утверждают многие. Суть данной идеологии состоит в том, что страна, в которой родился и проживает патриот, объявляется непреходящей ценностью, чем-то существующим «от века» и потому нуждающемся в защите от внешней агрессии, неважно со стороны каких сил и в какой ситуации. Причем носитель этой идеологии — совершенно не обязательно сторонник правящего в данной стране политического режима. Он может быть и оппозиционером, и даже революционером, но его взгляды и действия обусловлены все тем же — есть “моя страна” и есть “остальной мир”. В отношении проле-

тарского класса патриотизм вреден тем, что подменяет необходимый для любого сознательного человека труда марксистский классовый подход. “Я конечно, коммунист, но я и свою страну люблю и буду защищать, даже при капитализме” — такая логика привела к предательству очень многих марксистов за полтора столетия существования коммунистического движения.

Оппозиционные левые патриоты, в частности, в современной России, во многих случаях пытаются разделить понятия “страна” и “государство”. Дескать, мы — противники существующего российского буржуазного государства, но любим Россию как страну, в связи с чем во многом и выступаем против буржуазного строя в ней. Но, с точки зрения марксистской науки, это не более чем софистика, порожденная идеологическими заблуждениями. Так как невозможно провести это разделение, при вычитании “страна минус государство”, в остатке не остается ничего, кроме не имеющего отношения к политике восхищения родной культурой, природой, историей и прочих чисто эмоциональных вещей. Любить пейзажи, например, средней полосы России или творчество Льва Толстого может человек, родившийся и живущий в любой части мира, тем более для коммунистов свойственно уважительное отношение ко всему ценному культурному наследию прежних эпох, как и к экологии всего мира. То, что это уважение в широких массах связывается с “защитой России” или любого другого капиталистического государства — следствие влияния буржуазной идеологии».

Иными словами, патриотизм — это софистика, призванная подменять классовый подход. Предлагаем противопоставить этому левому фразерству, банальщине и путанице слова Ленина:

«Прежде всего, несколько замечаний о патриотизме. Что «пролетарии не имеют отечества», это действительно сказано в «Коммунистическом манифесте»... Но отсюда еще не сле-

дует правильность утверждения..., что пролетариату безразлично, в каком отечестве он живет: живет ли он в монархической Германии, или в республиканской Франции, или в деспотической Турции. Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата... Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны. Но судьбы страны его интересуют лишь постольку, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. «патриотизма».

Иными словами, патриотизм является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата, но постольку, поскольку он подчинен требованиям классовой борьбы. Разве этой небольшой цитаты недостаточно, чтобы разобраться в этом вопросе? Кажется, что достаточно, но Сарматов не может не гордиться огорода.

Патриотизм является чувством любви к родине, которое зарождается из привязанности к родным местам и людям. В зависимости от степени сознательности индивида данное чувство может вырастать до понимания своей связи со всей страной и народом, его историей и культурой, и, в конечном счете, подниматься до борьбы с притеснением и порабощением народа как внешним, так и внутренним. Ленин писал: *«Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств».* Таким образом, патриотизм выступает, во-первых, в виде чувства, то есть ненаучного стихийного отношения к родине, к родной национальной культуре, языку и, в конечном счете, к экономическим и политическим условиям своей страны и региона. Во-вторых, в виде побудительного мотива, обыденной мотивации к освобождению, защите чести, развитию и улучшению родины. Из этого ясно, что патриотизм в «умелых руках» действительно может являться могущественным фактором классовой борьбы пролетариата. Верно и обратное, что на службе у империализма патриотизм — есть фашизм и полуфашизм, то есть, тоже,

могущественный фактор классовой борьбы, но уже в лапах олигархии. В последнем случае, очевидно, что освобождение, защита чести, развитие и улучшение родины понимается с извращенной, антинародной, неклассовой точки зрения. Нельзя забывать, что пролетариат, как наиболее организованная и сознательная часть народных масс, кровно заинтересован в познании объективной истины, в научном подходе к социальным преобразованиям и революционному переустройству общества, в освобождении от ига капитала. Значит, последовательная научная партийность рабочего класса (организованного, сознательного пролетариата) выражает, в конечном счете, коренные интересы всего общества, социального прогресса. Таким образом, если поднимать уровень сознательности по линии патриотизма на научных основаниях, то зрелая любовь к Родине не противоречит уважению и даже любви к другим национальным культурам и народам. Антагонизм между культурами является продуктом рыночной конкуренции, борьбы за выживание. Если этот антагонизм устранен или хотя бы преодолен или, на худой конец, сглажен в сознании, то противоположность культур и народов выступает исключительно объективно, то есть как их разность.

Сарматов — капитулянт. Огульно отрицая патриотизм как чувство и, признавая существующим только буржуазный, казенный, квасной патриотизм в виде фашизма или полуфашизма, Сарматов только спутывает вопрос, заранее объявляет поражение коммунистов в этой сфере, сдает патриотизм целиком противнику. Сарматов вообразил, что патриотизм сам по себе является идеологией, всецело придуманной буржуазией. Тогда как различные политические партии апеллируют к патриотизму как к стихийному ненаучному отношению к Родине, возбуждают на его основе в классовых интересах буржуазии в пролетарских и народных массах либо социальное благодушие в виде примирения с «родными» предпринимателями, либо конкурентную ненависть к другим народам. Различные формы ненависти — межконфессиональная, расовая, национальная — служат способом мобилизации пролетариата в интересах олигархии. В свою очередь классовая ненависть способна служить делу революционной мобилизации. Однако практика показывает, что возбуждение классовой ненависти — это, как правило, игра на низ-

менных чувствах толпы, что, во-первых, развращает и разлагает революционные массы, во-вторых, делает их неуправляемыми в ходе вымещения гнева. В абсолютном большинстве ситуаций большевики не заигрывали с ненавистью, а направляли имеющуюся классовую ненависть в конструктивное русло и сдерживали ее перерастание в погром. Даже кампания «Убей немца!», даже, таким совсем некоммунистическим деятелем как Эренбург, проводилась с большой разъяснительной работой, что убивать нужно немца-ССэсовца, немца-захватчика, немца с промытыми мозгами и т. п. (см. очерки Эренбурга³).

Стало быть, проявления патриотизма меняются вместе с развитием народов, наций, государственного строя, классов и классового сознания. Невозможно пренебрегать ни чувственной стороной отношения к конкретным условиям жизни, ни обыденной мотивацией масс. Такой подход есть левачество и фразерство.

Конечно, само по себе чувство не может существовать безыдейно. Такой «чистый» патриотизм возможен только при полном отсутствии рефлексии, например у детей. Патриотизм развивается естественно, как чувственная сторона восприятия условий жизни, главным образом совокупности особенностей этих условий. Патриотизм, следовательно, обслуживает мировоззрение как эмоциональный окрас и бытовой мотиватор действий. Сарматов пишет: *«Маркс и Энгельс потому и писали про отсутствие Отечества у пролетариев, что понимали экономические, классовые корни патриотизма»*.

В действительности у патриотизма экономических и классовых корней, как таковых, нет. У патриотизма в некотором смысле есть психологические корни. Дело в том, что до появления научного философского мировоззрения в сознании практически всех людей имеется известная разбалансировка интеллекта, чувств и воли. Если бы человечество развивалось гармонично и по науке, то ведущую роль в сознании играл бы интеллект, а чувства, эмоции и привычка трудиться были бы чувственно-эмоциональной и волевой стороной интеллектуальной, разумной деятельности. В классовом обществе становление и развитие личности уродливо, и имеется известный перекосяк, как в пользу чувств, так и в пользу воли, вернее ее хронического недостатка — лени. Этот перекосяк является результатом ин-

теллектуальной недоразвитости, которая, впрочем, как известно, сознательно насаждается массам. В этой связи всякое нормальное чувство влюбленности во что-либо, в том числе патриотизм, не обслуживает интеллектуальное понимание, то есть знания, а отрывается и живет в некотором смысле самостоятельной жизнью. А классовые корни имеются не у самого чувства, а той идеологии, которая это чувство себе подчинила.

Следовательно, проявления патриотизма, по крайней мере, если патриотизм является сколько-нибудь зрелым чувством физиологически здорового человека, не могут быть внеклассовыми. Патриотизм — это чувство, которое обслуживает мировоззрение. Мировоззрение же всегда классовое, стало быть, и чувство, на которое воздействуют идеи и знания, трансформируется сообразно классовому сознанию. Однако, почему Сарматов объявляет невозможность народного, пролетарского, революционного и социалистического патриотизма?

Нужно ли объяснять и доказывать, что советский патриотизм, развернутый коммунистической партией на основе общности интересов и дружественного сотрудничества социалистических рабочих, колхозного крестьянства и интеллигенции СССР являлся движущей силой строительства коммунизма? Сталин прямо выдвинул задачу перед партией *«развивать и культивировать советский патриотизм»*. Можно ли полагать, что советский патриотизм, любовь к первому в мире государству рабочих и крестьян, форпосту мировой революции, не будет иметь преемственности с историческим прошлым народов СССР? Революционные традиции народов СССР и их политическая выучка являются важным элементом советского патриотизма, однако, это не означает безродности, отказа от истории. Научный классовый взгляд на историю, опора на прогрессивные ее страницы и героическую справедливую борьбу является естественным фундаментом для культивирования патриотизма.

Революционный пролетариат 1917 года не свалился с небес, у него было прошлое, и не только революционное. Народные массы также не свалились с небес, у них было прошлое, и тоже не только революционное. Что предлагает Сарматов? Отбросить историю народов, подвергнуть остракизму все, что имелося до революции? Че-

рез тысячу лет человечество отведет изучению пяти тысяч лет классовых обществ должное место как эпохе краткого перехода общества из полуживотного состояния в мир человеческих форм цивилизованности. Но к чему сейчас этот наивный футуризм и, как следствие, левая фраза?

Нужно ли, по мнению Сарматова, дать научную оценку истории народов СССР? Полагаю, что он считает, что нужно. Следует ли подчеркивать все то, что в истории данных народов было прогрессивным и справедливым? Полагаю, что и здесь Сарматов не откажет. Почему же прогрессивная и героическая сторона истории народов не может быть использована в воспитании любви и преданности социалистической Родине?

Ясно, что Сарматов не усвоил урока критики школы Покровского, которая страдала точно такими же болезнями. О чем, кстати, он сам признается ниже.

Пожалуй, было бы здорово, если бы каждый пролетарий осуществлял революционную борьбу и строил коммунизм, исходя лишь из знания научных истин, а его чувственно-эмоциональная сфера переполнялась бы исключительно революционным научно обоснованным энтузиазмом. Мечтать, что называется, не вредно. Но факт остается фактом — патриотизм существует в виде самостоятельного сильного чувства и его нужно использовать как обыденный мотиватор. Впрочем, в некотором смысле патриотизм будет существовать и при коммунизме, но уже в виде чувственной окраски научного понимания социально-культурных отличительных условий конкретной ассоциации или территории.

Сарматов часто верно критикует буржуазный патриотизм, но суть его статьи в другом — показать, что сталинская ВКП(б) возродила и активно развивала буржуазный патриотизм. Сарматов, вслед за буржуазными пропагандистами и теоретиками противопоставляет классовое сознание патриотизму. Из сказанного выше видно, что это, конечно, вздор и нелепость. Читаем Сарматова:

«Но после окончательного формирования классов буржуазии и пролетариата, выдвижения борьбы между ними на первый план в политической жизни общества, буржуазный патриотизм стал реакционен, препятствуя формированию классового самосознания у пролетариата — «социальное по-

ложение вторично, главное, что мы французы или англичане и одинаково любим свою страну»».

Здесь дело в том, что Сарматов видит, как буржуазия использует патриотизм масс — *«социальное положение вторично, главное, что мы единая нация»*, и вообразил, что это и есть патриотизм. Бесспорно, что данный тезис прямо противоречит росту классового сознания, но почему Сарматов ставит знак равенства между этим тезисом и патриотизмом? Возьмем таких крестьянских революционеров, как народники. Они патриоты? Думается, что они вполне уважаемые патриоты, однако, конечно, с сарматовским тезисом они не согласились бы. Возьмем для примера альтернативный взгляд на приведенную в цитате ситуацию. Буржуазия говорит народу, что главное — это единство нации и национальное согласие. Но разве не очевидно, что буржуазия составляет мизерное меньшинство нации, а основу всякой нации составляет пролетариат и полупролетарские массы? Известно также, что мизерная буржуазия нещадно эксплуатирует народные массы. Почему же, в таком случае, не считать патриотической позицию, при которой буржуазия, как паразитический, вредный для народа элемент, будет исключена из нации и изгнана прочь? Короче говоря, это спорный политический вопрос — что считать благом для Родины, который всецело зависит от развития классового сознания. Иными словами, у каждого класса свой патриотизм, но пролетарский патриотизм, как говорил Маркс, самый честный. Отдавая патриотизм на откуп буржуазии, Сарматов, только ускоряет его превращение в национализм, а затем — в фашизм.

Сарматов, вслед за буржуазными пропагандистами, противопоставляет патриотизму пролетарский интернационализм. Но пролетарский интернационализм можно противопоставить, например, русскому патриотизму = национализму. Пролетарский интернационализм является объективным продуктом концентрации и централизации капитала, разрушения границ национальных рынков. Но с субъективной точки зрения, пролетарский интернационализм является важнейшим коммунистическим принципом, который предполагает совместную подготовку пролетариев, независимо от национальности, по единому плану к революции против тирании буржуазии, прежде всего, своей нации, а затем к разво-

рачиванию коммунистического строительства в дружественной атмосфере взаимопомощи и взаимовыручки. Коммунисты никогда не имели империалистических и эксплуататорских целей, всегда боролись за свершение революции не в отдельной взятой стране, а во всем мире. Но это никак не отменяет ни наций, ни пролетарского патриотизма, ни исторического наследия, ни национальной культуры.

Однако, после введения Сарматов неожиданно пишет:

«Подчеркнем, что социалистический патриотизм сталинских времен никогда не отделялся от борьбы за мировую революцию, за победу коммунизма во всем мире. В научной теории компромиссы невозможны, будучи марксистом, Сталин это хорошо понимал. Уступки буржуазному патриотизму, о которых речь пойдет далее, были сделаны на уровне массовой пропаганды, “сиюминутной” тактики в условиях надвигавшейся войны».

Несмотря на ошибочность, данный абзац подчеркивает содержание всей статьи. Как сказанное соотносится с компромиссами в идеологии? Как соотносится с тем, что патриотизм бывает исключительно буржуазным? Сарматов вписывает противоположный по содержанию абзац, видимо, чтобы механически уравновесить разные взгляды.

По Сарматову получается так, что Сталин как бы обманывал массы патриотизмом, потому что приближалась война, но в реальности был за мировую революцию. Эта теория противопоставления социалистического советского патриотизма и интернационализма целиком взята из «просталинского» русского национализма. Только националисты-сталинисты говорят, что Сталин отказался от мировой революции, а Сарматов утверждает, что Сталин иезуитски скрывал мировую революцию от масс за буржуазной пропагандой. Сложно даже сказать, что дурнее и вреднее. Стоит ли упоминать, что националисты-сталинисты «слизали» эту теорию у врага народа Троцкого?

Сарматов указывает, что «главным (патриотическим компромиссом) стала значительная корректировка официальной трактовки событий дореволюционной истории». Далее Сар-

матов прямо пишет, что школу Покровского критиковали не научно, а конъюнктурно, с *«традиционным притягиванием к троцкизму»*. Иными словами, Сарматов объявил, что коммунистическая партия, под видом научной, давала ложную трактовку истории. В частности, Сарматов утверждает, что Ярославский критиковал школу Покровского не по науке, а в угоду буржуазному патриотизму. Предлагаю читателям внимательно изучить Ярославского⁴ и, без «притянутых за уши», трактовок Сарматова сделать самостоятельный вывод по этому вопросу.

Хотелось бы уточнить у Сарматова, в каких конкретно документах выражалась официальная трактовка исторических событий до выпуска «Истории ВКП(б). Краткий курс»? Боюсь, что именно в середине 30-х большевизм взялся за историю, а до этого момента в СССР историю писали мелкобуржуазные писатели и бывшие дворянские холуи. Чуть ниже Сарматов ностальгирует о том, что «сталинские компромиссы» были бы нетерпимы в 20-е. Так в 20-е в области идейной борьбы коммунизм еще далеко не утвердился, и всюду бравировали троцкистские, анархистские и леваческие «ученые» и писатели. Вот, видимо, где Сарматов нашел истинную «бескомпромиссную» революционность и своих идейных отцов.

После того как Сарматов бездоказательно «разоблачил» сталинскую ВКП(б) как фальсификаторов истории, он перешел к пропаганде.

«Фактически советская пропаганда в те годы создавала мифологизированные, модернизированные образы Александра Невского, Минина и Пожарского, Александра Суворова. Терялась классовая сущность подобных исторических деятелей, они выдавались чуть ли не за единомышленников Советской власти, ее своеобразных предшественников в прошлых эпохах. В односторонне патриотическом духе подавалась та же война 1812 г. и некоторые другие войны, которая вела царская Россия. Вновь подчеркнем, что это происходило не на уровне теоретических трудов, а научно-популярных брошюр, художественного творчества, наглядной агитации и т. д.»

Во-первых, мифологизированные образы Не-

4. Блог Н. Федотова «Антимарксистские извращения так называемой «школы Покровского» (<http://n-petrovich.livejournal.com/29215.html>)

вского, Минина, Пожарского и Суворова создавала солдатская и отчасти художественная пропаганда, а не пропаганда партии или государственная пропаганда в целом. Вся «аналитика» Сарматова строится главным образом на плакатах и картинках, а отчасти на известных фильмах. Странно, что Сарматов забыл про тосты Сталина. Во-вторых, «потерять» классовую сущность исторических личностей из-за картинок и плакатов нельзя, это просто досужие рассуждения. В-третьих, нет никаких «научно-популярных» брошюр, которые исполнялись бы в рамках какой-либо пропагандистской политики ВКП(б). Наверное, можно отрыть какую-то идиотскую хвалебную обывательскую писанину о Невском, но и что с того? Мало ли глупостей издавалось даже в сталинском СССР?



И. В. Сталин и А. А. Жданов
недоумевают по поводу позиции ГК

Если Сарматов — не политический скоморох и взялся обвинять Сталина в компромиссе и «патриотическом повороте», то нужно привести конкретные решения партии. А что мы имеем? Имеем «Краткий курс» и развернутую на его основе постановку исторической науки на диалектические рельсы. У Сарматова есть конкретные претензии к «Краткому курсу», в том числе по трактовке истории? У Сарматова есть конкретные претензии к решениям партии? Нет! У Сарматова — одни претензии к военно-пропагандистским картинкам. Он такой же «исследователь», как националисты-сталинисты, которые, вслед за троцкистами, выдумывают национализм

Сталина из картинок. Только с поправкой на «коммунистичность».

Закончив с довоенным и военным периодом, Сарматов принялся отдельным, совершенно голословным образом разоблачать послевоенный период. Он, в лучших традициях либеральной прессы, бездоказательно утверждает, что сталинская пропаганда так «раскошегарилась» буржуазным патриотизмом в военные годы, что в мирное время дала яркий расцвет *«ложно понятой национальной гордости»*. Эта гнилая мысль призвана «объяснить» политику борьбы с космополитизмом и разгром сионизма в деле ЕАК. Вместо того чтобы исследовать документы и решения партии, Сарматов рассуждает какими-то умозрительными схемами про «накал патриотизма» и приводит какие-то обыватель-

ские заблуждения. Типичная никчемная писанина, которой в последние годы страдает ГК.

Сарматов сетует, что полуграмотные люди превратно понимают советский патриотизм, скатываются в национализм. Из этого он делает вывод, что советский патриотизм нужно выбросить на свалку. Однако кто, кроме Сарматова, не понимает, что полуграмотные люди превратно понимают вообще все общественные и природные явления? Вместо того чтобы выступать за скорейшую ликвидацию безграмотности, в том числе политической, Сарматов решил отrixтовать марксизм до «грамотного» понимания неграмотными.

Короче говоря, теория Сарматова о «патриотическом повороте» Сталина является надуманной фальсификацией истории большевизма и исходит из ненаучного понимания патриотизма. Что касается второй части статьи Сарматова о внешней политике СССР, то она не менее неправильна, но требует отдельного критического материала.

Специально следует отметить ситуацию с цитатой Жданова. Категорически рекомендуем изучить выступление Жданова⁵. В нем Сарматов усмотрел вот что:

«В связи со всем этим в пропаганде звучали тезисы о том, что марксизм — это “незападная теория”

5. А.А. Жданов. «Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г. (http://imwerden.de/pdf/zhdanov_vystuplenie_po_povodu_knigi_aleksandrova_1952_text.pdf)

(хотя она именно западная по происхождению)... абсурдное утверждение о «незападном характере» марксизма производилось советскими лидерами (например, Жданов его озвучил в своем докладе на знаменитой философской дискуссии 1947 г.), и границы дозволенного все расширялись».

А теперь, внимание, цитата Жданова:

«Совершенно неоправданным является тот факт, что история философии в учебнике доведена только до возникновения марксистской философии или до 1848 года. Без изложения истории философии за последние 100 лет учебник, конечно, не может считаться учебником. Почему автор безжалостно расправился с этим периодом, остаётся неясным и не находит объяснения ни в предисловии, ни во введении.

Ничем не мотивированным является также не включение в учебник истории развития русской философии. Нет нужды доказывать, что это упущение носит принципиальный характер. Какими бы мотивами ни руководствовался автор, исключая историю русской философии из общей истории философии, умолчание о ней объективно означает умаление роли русской философии и искусственно делит историю философии на историю западноевропейской и историю русской философии, причём автор не делает никаких попыток объяснить необходимость такого разделения. Оно увековечивает буржуазное деление на «западную» и «восточную» культуру, рассматривает марксизм как региональное «западное» течение. Больше того, на стр. 6 введения автор с жаром доказывает обратное положение, настаивая на том, что, «не изучив внимательно и, не использовав глубоко-

кую критику философских систем прошлого, данную классиками русской философии, нельзя составить научного представления о ходе развития философской мысли в западноевропейских странах». Почему же автор не реализовал этого правильного положения в учебнике? Такое положение остаётся совершенно непонятным и вместе с произвольным окончанием изложения истории философии на 1848-м годе оставляет гнетущее впечатление».

Насколько нужно хотеть сделать вывод Сарматова о том, что Жданов утверждал «незападный» характер марксизма, видимо «славянский» или «русский», «почвенный», чтобы так понять текст? Добросовестно ли Сарматов делает свои выводы?

Стало быть, наш вызов остался не отвеченным. Впрочем, как и ожидалось.

В заключение необходимо сделать важное замечание. Практика показала, что патриотизм был мощным обыденным мотиватором для широких масс, вовлеченных партией в строительство коммунизма СССР. Практика показала, что патриотизм был незаменим в годы Великой Отечественной войны. Но практика же показала, что патриотизм категорически не годится для мотива деятельности коммунистов. В конечном счете, патриотизм, в силу того, что имеет чувственную основу и, следовательно, склоняет мышление в интуитивную сторону, в коммунистическом движении играет деструктивную роль. Речь, конечно же, не идет о таком партийном и коммунистическом патриотизме (любовь к партии, классу, к революции, к строительству нового мира), который является чувственно-эмоциональным сопровождением коммунистической деятельности, основанной на знаниях, понимании и диалатическом мышлении. Такой «патриотизм» можно считать чувственной стороной совести, хоть ему и не отведено пока отдельное слово в русском языке.

Февраль 2017

КРИТИКА

ЛЕНОСТЬ УМА, КАК ПОЧВА ДЛЯ ОППОРТУНИЗМА

Игорь СОВЕТСКИЙ

Как самокритично отмечает один из пропагандистов идеи «народоправия» и «персонализма», т. Чижилов:

«большинство людей не ориентируются в понятиях, что такое оппортунизм, троцкизм, сталинизм, ленинизм, марксизм, космополитизм, интернационализм».

К этому стоит добавить, что многие из сторонников подобных движений не разбираются не только в озвученных понятиях, а и в понятиях вообще, не понимая того, как они образуются и проверяются на истинность. Именно поэтому, прежде чем говорить о необходимости «преодолеть коммунистам-марксистам существующий в их среде политический разноречивый в мировоззрении», т. Чижилову следовало бы прояснить, собственно, кого из представителей «левой» среды можно определить, как «коммуниста-марксиста»? Не прояснив для себя содержание понятия «коммунист», невозможно определить, кто является коммунистом, а кто лишь прикрывается удобным словечком, следовательно, невозможно определить, кто и с кем должен объединяться.

Между тем, коммунист - это не партбилетодержатель, а человек, в совершенстве овладевший марксистской диалектикой и всем пластом предшествующих человеческих знаний, и использующий эти знания на практике в соответствии со сложившейся обстановкой. То есть, человек, являющийся коммунистом, по определению знает, какую практику, и в какой момент он должен применять в действительности. Окружающая нас

обстановка, со слов т. Чижилова, показывает, что «люди выходят из «коммунистических» партий, видя бездейственное многолетнее сидение в думах, губернаторских креслах, креслах красных директоров и обильную демагогию, прикрывающую властолюбие вождей». Но, очевидно, что «обильная демагогия», прикрывающая «властолюбие вождей», не может быть той практикой, что могла бы быть отнесённой к деятельности настоящего коммуниста, потому люди и выходят из таких демагогических «коммунистических» партий. Точно так же и незнание многими «как, каким образом, на каких основаниях выстраивать движение к обществу с новыми отношениями», показывает, что на сегодняшний момент основной задачей каждого, кто честно желает избавить общество от капиталистического гнёта, является изучение марксистской диалектики, как минимума. И только тогда, когда таких личностей, объединившихся вокруг познанного марксизма, станет хотя бы несколько десятков, когда эти личности будут регулярно пополнять своими злободневными трудами «копилку» марксизма, только тогда и можно будет задуматься об организации дееспособной коммунистической партии.

От «ИПГ» до ОПГ — один шаг

На сайте «Народоправие - будущее России»¹, кроме программы партии (Инициативной Политической Группы «ИПГ» - как ее называют создатели), есть ещё и комментарии к ней. А. Чи-

1. Интернет-ресурс Инициативной политической группы "Народоправие" (<https://zauspross.wordpress.com/2015/11/22/программа-ипг-народоправие/>)

жиков в одном из них утверждает, что программа разработана в чётком соответствии с марксизмом, то есть соответствует критериям науки, что можно легко проверить, проанализировав основные пункты программы «ИПГ».

В частности, в пункте 3.1.1 программы говорится:

«Наёмный труд и эксплуатация человека человеком и человека государством — исключается: государство передаёт гражданам национальное богатство в их собственность безвозмездно (без выкупа)».

Но, если учесть, что «народовластие» предлагает избавление от эксплуатации государством человека, очевидно, что такая эксплуатация существует в капиталистическом **государстве**, то есть, по мнению Чижикова, в капиталистическом **государстве** человека эксплуатирует и государство, и человек. Когда человек эксплуатирует другого человека с целью получения выгоды — это ещё можно себе представить, но как представить то, что человека эксплуатирует государство? Неужели государство, это некое живое существо, использующее труд людей ради наживы? Понятное дело, что в действительности нет такого, чтобы государство было представлено в виде живого существа, государство — это форма власти, необходимая определённой части общества для правового обеспечения эксплуатации человека человеком. Иными словами, государство — это форма насильственной социальной организации людей, образованная одной частью общества с целью подавления интересов другой его части. Таким образом, власть в государстве всегда осуществляется в интересах лишь части общества, потому говорить о том, что государство эксплуатирует человека — значит проявлять в лучшем случае непонимание марксизма в той части, где четко определены отношения между классами и функции надстройки в виде государства. Именно поскольку государственная власть в капиталистическом обществе осуществляется в интересах предпринимателей, постольку человек, нанимаясь на работу на государственное предприятие, нанимается на работу фактически к тому, кому в этом обществе служит власть — к капиталистам. Не лишне учесть, что капиталистическое государство берёт на себя функции производителя только в том случае, когда капиталисты сами отказываются от этого вида производства в силу его низкой прибыльности, а данная продукция жизненно

необходима всему обществу. Тогда оплата государственного «предпринимательства» ложится на плечи рядовых налогоплательщиков.

Совсем другое дело государство, где аппарат защищает интересы рабочих, т.е. большинства. Придя к власти, пролетариат в первую очередь восстанавливает справедливость — экспроприирует у капиталистов средства производства, отменяя право частной собственности на них и закрепляя право общественной собственности. Общественная собственность означает, что все средства производства теперь принадлежат всему обществу, а значит, каждому члену общества, или, иначе — всё принадлежит всем. Таким образом, когда в государстве, где власть осуществляется в интересах пролетариата, рабочих, устраиваясь на работу, нанимается на работу именно к себе, а не так, как это хотят представить «народоправцы» — к государству. Но, при этом, нужно учитывать, как писал Ленин, что уже в первой фазе коммунизма, то, что обозначается старорежимным словом «государство», государством не является вовсе и выполняет кое-какие силовые функции лишь в меру противодействия коммунизму со стороны представителей бывшего паразитического класса. Чем дальше, тем больше законодательные функции от привычных государственных учреждений, министерств и парламентов должны переходить к Госплану, который в идеале является наиболее тесно связанным с практикой общественного воспроизводства, будучи научным социально-производственным центром пропорционального развития общества.

Переход от капиталистических отношений к коммунистическим неизбежен, и это доказано и наукой и практикой. Однако мгновенный переход к коммунизму невозможен, потому как необходимо избавить общество от старых, отживших себя отношений, построив новые отношения на совершенно иной основе, то есть необходим переходный период. В этот переходный период власть, назначенная пролетариатом и подконтрольная ему должна осуществлять определённую деятельность, которая целиком и полностью должна быть основана на **отличном знании** марксистской диалектики представителями властных учреждений, и соответствовать сложившимся условиям. Иными словами, в каждой отдельной стране этот переходный период будет протекать несколько своеобразно, в соответствии с развитием производительных сил, но с соблюдением принципиальных требований

объективных законов.

Так, к примеру, к 1917 году Российская империя подошла ещё монаршим государством, но уже с элементами капиталистического производства, и после февральской буржуазной революции должна была развиваться как капиталистическое государство, со всеми необходимыми периодами развития капитализма: от мелко-товарного производства — к монополиям, с непременным и обязательным разорением большинства крестьян, вынужденных пополнять ряды рабочих на расширяющихся всё больше и больше производствах и мануфактурах. Со временем, пройдя все этапы развития, Россия должна была прийти к государственному капитализму, то есть к такому укладу капиталистических отношений, когда власть капиталистов, их контроль, проникает во все сферы человеческой деятельности, затрагивая тем самым каждого члена общества, как, например, происходит в современной РФ. Таково должно было быть развитие России, но спустя восемь месяцев после буржуазной революции, большевики организовали революцию пролетарскую и захватили власть в России, прервав тем самым развитие капитализма. Однако, прервать вовсе не означает остановить развитие вообще, потому как полная остановка общественного развития возможна лишь с полным вымиранием того или иного общества, поэтому «прервать», в этом случае, означает прервать власть капиталистов, заменив её властью пролетариата. Именно поэтому, захватив власть в 1917 году, авангард пролетариата — партия большевиков — должен был учитывать уровень развития капиталистических отношений в России, и, отталкиваясь от этого уровня, планировать дальнейшее строительство коммунистических отношений, включая переходный период. Уровень же развития капиталистических отношений в России на момент прихода к власти большевиков находился на стадии господства мелкотоварного производства, типичного для начальной стадии капитализма, но с элементами крупной промышленности. Например, на некоторых заводах Путилова в одну смену трудилось более 100 тыс. работников.

Стихия мелкотоварного производства несовместима со строительством коммунистических отношений, поэтому дальнейшее развитие возможно было только через планомерное подчинение этой стихии интересам пролетариата, что могло произойти исключительно через развитие крупного капиталистического производства, спо-

собного рыночными способами удерживать мелкотоварное производство в подчинении. Но именно потому, что власть в Советской России являлась формой диктатуры рабочего класса, именно поэтому, контролируя крупное производство через образование концессий, советская власть контролировала и мелкотоварное производство. Таким образом, чтобы начать строительство первой фазы коммунистических отношений, именуемых нередко социализмом, большевикам необходимо было произвести электрификацию страны, индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства. Это и был тот самый «государственный капитализм» в Советской России, но осуществляемый под властью авангарда рабочего класса, а значит в его интересах, названный советской властью Новой Экономической Политикой. Именно завершение НЭП должно было стать началом строительства первой фазы коммунизма — так называемого социализма. Поэтому задачей НЭП являлась не раздача всем гражданам в собственность всех имеющихся предприятий, а проведение определённой экономической политики, вызванной **конкретными историческими обстоятельствами** в развитие капитализма в России, которая с гарантией привела бы советское общество к первой фазе коммунистических отношений.

Программа ИПГ «Народоправие» есть своеобразный взгляд А. Чижикова и компании на переходный период, названный ими НЭПР — новая экономическая политика России. Называя себя *«последователями классиков марксизма, желающими кардинальных изменений в отношениях собственности и присвоения»*, Чижики и компания определяют себя людьми, овладевшими в совершенстве марксистской наукой, что, по определению, должно показывать, как минимум, последовательность в мыслях и изложении, чего как раз-таки и не хватает в озвученной выше программе ИПГ.

Так, в пункте 1.1.1 они пишут:

«Не отдельные личности и не обезличенный народ, а каждый человек — высшая ценность земли.»

Не думаю, что земле, будь то планета или почва, есть хоть какое-то дело до человека, тем более, считать его высшей для себя ценностью. Когда земля принимает к себе обратно ту или иную форму, выделившуюся однажды, она не делит эти формы на «высшие» или «низшие» — она их просто принимает.

Объявить народ «обезличенным» и на этом

строить философию — это, конечно, «верх» научности, тем не менее, народ — это абстрактный термин, которым обозначают общность реально существующих на любой момент времени людей, «отдельных личностей», «каждого человека», гражданина, субъекта, индивида и так далее. Потому реально существующий народ не может быть обезличенным. Понятие «народ» обозначает лишь общность конкретных людей и, когда, к примеру, партия большевиков на деле заботилась о народе, то она заботилась о каждом конкретном человеке, а не о чём-то обезличенном. Является ли принятие закона, гарантирующего и реализующего полное уничтожение безработицы или безграмотности ВСЕГО населения моментом обезличивания народа? Ясно, что нет! Таким образом, объявляя заботу о «каждом человеке» и совершенно игнорируя общество, ИПГ разъединяет общество на отдельные его члены, занимаясь тем, чем ежедневно занимается всякий либерал или иной защитник капиталистических отношений, т.е., прежде всего, частной собственности на средства производства. Тогда как задача всякого коммуниста и марксиста — это построение именно общества, то есть совместной организации отдельных личностей, действующей как единый организм, по единому плану, что для марксиста делает первостепенной задачей заботу о реализации общественной, всенародной необходимости. И вообще, неясна причина столь скептического отношения ИПГ к понятию «народ», хотя бы потому, что их программа называется **«Народоправие»**.

Нуждается в рассмотрении и такой их перл:

«3.1 Национальное достояние и власть — самоуправляемому народу.»

То есть, народ всё же необходим...

Если ИПГ преподносит свою программу, как программу «переходного периода», очевидно, что этот этап обществу необходимо пройти по возможности быстрее, естественно, ни на йоту не отступая от науки. Но тогда непонятно, зачем им понадобилось в конституции, то есть в основном законе государства, устанавливать незыблемость частной собственности на средства производства? Разве задачей пролетарского государства не является избавление общества от частной собственности, при этом сразу после прихода к власти? У марксиста нет необходимости закрепления в конституции права частной собственности. Наоборот. Если это настоящий марксист, то он знает, как сказано в Манифесте КП, что коммунизм есть уничтожение отноше-

ний частной собственности на все средства производства. А тут получается, что, чем дальше мы углубляемся в чтение положений ИПГ, тем больше складывается впечатление, что авторы вообще никогда не читали ничего марксистского.

*«3.1.5. Каждому гражданину от-
крывается счёт в государственном
банке (в его филиалах) в виде неизы-
маемого капитала, ежемесячный про-
цент на который (когда гражданин не
работает на законных основаниях) яв-
ляется его прожиточным минимумом.*

*3.1.6. Доля каждого гражданина
России (его первоначальный капитал,
соответствующий стоимости принад-
лежащего ему национального богат-
ства) определяется как средняя вели-
чина (1/140 миллионная величина — по
числу жителей).»*

Из пункта 3.1.6 видно, что каждому гражданину России принадлежит 1/140 миллионная часть «национального богатства», при том, в виде денежного эквивалента, хранящегося в государственном банке и его филиалах. Таким образом, из этого пункта вытекает, что «каждый гражданин России» владеет не всем национальным богатством, а только 1/140 миллионной его частью. Тем не менее, в пункте 3.1.4 ИПГ пишут:

*«3.1.4. Источником осуществле-
ния социальной политики является
всё национальное богатство и весь
национальный доход России, реаль-
ным собственником-совладельцем ко-
торого является каждый гражданин
без исключения.»*

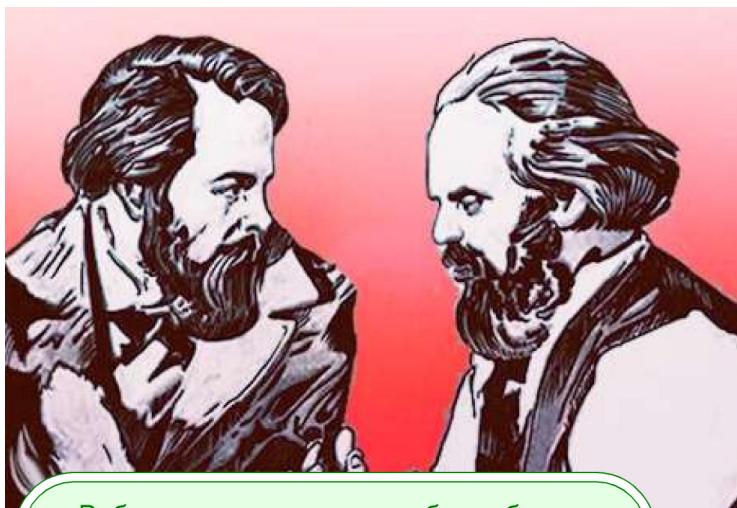
То есть, в пункте 3.1.4 ИПГ объявляет, что «каждый гражданин без исключения» является «собственником-совладельцем» всего национального богатства и дохода России. Иными словами, каждый гражданин России владеет всем национальным богатством и доходом, а не отдельной его частью, как сказано у них в пункте 3.1.6. В этом и заключается общественное владение, когда все владеют всем, именно в этот момент и нивелируется собственность в принципе, потому как каждый гражданин в обществе, в каждый отдельный момент времени владеет всей совокупностью национального богатства и дохода. Однако, этого совершенно не понимают А. Чижики и компания.

Противоречит п. 3.1.4 и следующий пункт:

*«3.1.11. При перемещении соб-
ственника-совладельца по территории*

России и переходе на другое предприятие первоначальный капитал перемещается со счёта на счёт и может быть использован гражданином только в общем деле производства необходимой продукции и прибыли [в другом уже предприятии]...»

Если гражданин владеет всем, было бы логичным предположить, что при перемещении гражданина с одной работы на другую, его доля не перемещается от одного предприятия к другому, а одновременно находится во всех предприятиях, включая те, на которых гражданин никогда не планирует работать. У ИПГ же получается, что если гражданин перемещается с одного предприятия на другое, он переносит и свою долю, тем самым лишаясь доли в предыдущем предприятии — деньги ушли вместе с гражданином.



... Рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам религиозной свободы совести, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана. Однако у нас не желают переступить «буржуазный» уровень.

К. Маркс «Критика Готской программы»

На самом деле, ИПГ, описывая схемы перемещения денег, совершенно забывают, что тем самым они плановую экономику подчиняют воле отдельного гражданина, то есть, стихии, и чтобы подчинить планомерному развитию подобную стихию, ИПГ со временем придётся **насильно** закреплять каждого гражданина за конкретным рабочим местом, потому как вряд ли найдётся человек, не желающий получить большую при-

быль при равных возможностях. Иными словами, при такой схеме каждый гражданин будет стремиться устроиться на максимально прибыльное предприятие, что само собой скажется нехваткой рабочих рук на менее прибыльных предприятиях. Потому ясно, что иными методами, кроме как насильственным закреплением, регулировать трудовую миграцию ИПГ не сможет.

Смешно у ИПГ получается и с мировоззрением:

«3.9. Мировоззрение некапиталистической России.

3.9.1. Все мировоззрения (материалистические и идеалистические учения, религиозные вероисповедания) освобождаются от идеологических наслоений враждующих классов и религий, перестают своими (мировоззренческими) средствами выполнять идеологическую функцию: быть средством обоснования особых классовых интересов.

3.9.2. Все мировоззрения своими специфическими средствами истолковывают и обосновывают одну и ту же земную основу — тот мир, в котором человек является рачительным хозяином, продолжающим себя и свой род, а не временным гостем.

3.9.3. Все мировоззрения наполняются единым гуманистическим содержанием, исчезает социальная основа борьбы между ними: мировоззрение становится предметом подлинно свободного выбора каждым гражданином.»

По мнению ИПГ, организовав «переходный период», разделив поровну национальное богатство, однако оставив частную собственность на средства производства, они навсегда избавились от классового деления в обществе, следовательно, избавились от необходимости борьбы классов. Ну, а так как «все мировоззрения своими специфическими средствами истолковывают и обосновывают одну и ту же земную основу», а борьба классов ИПГ отменена, мировоззрения «наполняются единым гуманистическим содержанием», что и делает мировоззрение «предметом подлинно свободного выбора».

Вот так, поставив мировоззрение в зависимость от принадлежности того или иного гражданина к какому-либо их классов, отменив рошчерком пера классовую борьбу, редколлегия ИПГ, эти «диалектики» и «последователи классиков марксизма», уравнивали значимость идеалис-

тического и материалистического понимания действительности, зачем-то, к тому же, выделив религиозное мировоззрение, как нечто не принадлежащее идеалистическому пониманию природы в общем. В реальной действительности, нет непосредственной зависимости мировоззрения от принадлежности к тому или иному классу, потому как и рабочие, и учёные, и предприниматели разного уровня способны верить в бога или невидимую руку рынка, следовательно, иметь вполне себе идеалистическое мышление, не являющееся научным и не способным привести того или иного гражданина к истинному пониманию действительности.

Только диалектико-материалистическое мышление способно адекватно описывать процессы и явления, протекающие в окружающей действительности, а значит, и в обществе. Поэтому, даже, тогда, когда классовая борьба в стране окончена, борьба идеалистического и материалистического понимания действительности не прекращается до полной и безоговорочной победы диалектико-материалистического мировоззрения, поскольку смена поколений населения делает неустранимой проблему отцов и детей, знания и незнания. Победа в такой борьбе достигается не *«подлинно свободным выбором каждого гражданина»*, а наличием в обществе необходимого количества соответствующих образовательных учреждений и возможностью бесплатного получения образования каждым индивидом. Это образование и должно, в итоге, подготовить таких людей, которые будут в совершенстве владеть диалектическим материализмом и марксизмом, то есть иметь научное мышление и мировоззрение, что позволит однажды, когда таких людей станет в обществе практическое большинство, сказать: «Да! Мы построили коммунизм!».

Естественно, плюрализм мировоззрений никогда не сможет привести ни одно общество к настоящим коммунистическим отношениям, потому, как и сейчас, в условиях тиранической диктатуры буржуазии, каждый член общества может быть буддистом, христианином, либералом, коммунистом, и иметь ещё несметное множество различных мировоззрений, несмотря на отсутствие в обществе настоящей свободы.

То же самое касается *«идеологических наслоений враждующих классов»*. Идеология, как объединение людей вокруг какой-либо идеи, в данном случае, безусловно, классовая, потому как идеология эксплуатации человека человеком, являясь идеологией класса капиталистов, всегда будет вступать в противоречие с идеологией, отстаивающей мудрость бесклассового общества. Но идеология есть часть мировоззрения. Мировоззрение невозможно освободить от *«идеологических наслоений»*. Наоборот, *«идеологические наслоения»* возникают вследствие наличия ненаучного, идеалистического (в том числе религиозного) мировоззрения, и уничтожаются они исключительно тогда, когда мировоззрение человека становится диалектико-материалистическим.

Поэтому, как ни прикидывай на себя *«форму и способ персонализированного (некапиталистического) способа производства и присвоения»*, а являясь «переходным» и содержа в себе частную собственность на средства производства, этот способ «производства и присвоения» отличается от государственного капитализма лишь тем, что научно не проработан и является всего лишь пустыми утопическими фантазиями людей, не извлекших никаких уроков из «Критики Готской программы»² и «Анти-Дюринга»³ — редколлегии ИПГ.

Апрель 2017

2. К. Маркс «Критика Готской программы» (<https://www.marxists.org/russkij/marx/1875/gotha.htm>)

3. Ф. Энгельс «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом» (<https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Antiduering/index.html>)

ПРОЧЬ УНЫНИЕ

Владимир НОВАК

Главным выводом Манифеста Коммунистической партии является заключение, что победа рабочего класса - неизбежна. К сожалению, в наше время по разным причинам этот вывод представляется со значительной долей скептицизма не только в сознании широких масс населения, но и в рядах коммунистических. К тому привели, с одной стороны, активно теоретизирующие проходимцы, а с другой стороны, коммунисты-акционисты, апатичные и вялые в научно-теоретической работе.

Вспоминается ленинская характеристика некоторых партийцев начала 20-го века: дряблый и шаткий в вопросах теории, с узким кругозором, скрывающий свою вялость за стихийными протестами масс, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, неопытный и неловкий в своей деятельности, представляет собой не революционера, а жалкого нытика и попрошайку. Точная характеристика многих нынешних членов партии с коммунистическими названиями.

Перед коммунистами стоят широкие и важные задачи, а потому всем сознательным партийцам и пролетариям мучительно больно от сознания своей неорганизованности, тем более, в наше время, когда созрели основные предпосылки для решительных социальных преобразований в обществе.

Ведь уже, даже, буржуазная пропаганда часто не скрывает, что огромное большинство населения, особо передовых стран, видит решающей причиной всех современных бед человечества - капитализм и признает гнилость всего современного буржуазного общественного порядка.

Бесспорно, что моральный перевес на стороне противников капитализма и их моральная сила подавляюще велика. Тем не менее, эта моральная сила пока никак не претворится в силу материальную, т.е. такую общественную силу, которая будет способна осуществить необходимые преобразования, а именно, повести общество по пути социализма.

Потому и выход из создавшегося противоречивого положения коммунистам необходимо искать в самих себе.

Крупная машинная индустрия вовлекает в водоворот политической жизни огромные массы рабочих и им надо иметь истинный лозунг для борьбы. Если не закрывать себе намеренно глаза, как это, например, делается на нынешних международных встречах коммунистов, если не судить о партиях лишь по тому мундиру, который они сами на себя надели, или по названиям, которые они сами себе взяли, а по тому, как они на самом деле поступают и что они на самом деле пропагандируют, то становится ясным, что вся их современная деятельность есть превращение марксистского революционизма в буржуазный реформизм, есть внедрение в коммунистическое движение буржуазных идей и влияния.

Сегодня многие претендуют на звание знатоков марксизма, но революционной партии нет, а потому тысячи забастовок, которые постоянно проводятся в разных странах, начинаются и заканчиваются или ничем, или бессмысленными погромами. Абсурд момента в том, что хотя борьба с капитализмом захватывает все новые слои трудящихся, продолжает расти и делает шаги вперед, партии с коммунистическими названиями, несмотря на все заверения в верности марксизму, грозные лозунги и декларации, на деле отстраняются от нее, ограничиваясь моральными поддержками, но не ставящие перед ней конкретно решительные революционные цели.

Как долго такое положение будет продолжаться сказать нельзя, но коммунисты должны выправить его. Сделать это возможно лишь действительным выполнением ими своих прямых, а именно революционных, обязанностей. Тогда они выстоят, выдержат и восстановят подобающее им почетное место в строю борцов, восстановят почетное положение настоящих революционеров. Вместе с тем, изживут уныние и поднимут революционный энтузиазм, как в своих рядах, так и в массах трудящихся, которые пока ведут своё сопротивление стихийно, бесцельно и неорганизованно, а значит, безнадежно и, отсюда, пессимистично.

Справедливости ради нельзя не отметить, что революционно настроенные и в соответствие

с тем действующие коммунисты не исчезли совсем. К примеру, на Украине можно выделить целый ряд таких товарищей. Особо товарища А.В.Б., прошедшего все стадии революционного становления и сформировавшегося в подлинного марксиста-революционера, сочетающего верность теоретическому марксизму в его революционном понимании с деятельной практикой бескомпромиссного борца за коммунистические идеалы. Имеются и другие, но пока они разрозненны, не представляют цельную силу, и их борьба носит кустарный характер.

Весомой причиной нынешнего пессимизма в рядах сторонников коммунизма является теоретический прессинг буржуазной пропаганды. Лживо обыгрывая некоторые внешние факторы, используя существенное отставание теоретической мысли современных коммунистов, а значит, отсутствие активного грамотного идеологического противодействия с их стороны, она обрушивает на головы неподготовленного обывателя свои социологические и политические «изыскания», которые фальсифицируют действительность и создают о ней превратное, а именно, якобы опровергающее марксистские взгляды, представление, вызывая тем в массе населения, включая коммунистов упаднические настроения.

Путающиеся в теоретических положениях, отстающие от действительности, коммунисты не только не опровергают их на основе принципиальных положений марксизма, а всего лишь оправдываются, зачастую даже подводя под буржуазные измышления некие «марксистские» обоснования.

Одним из наиболее существенных буржуазных вымыслов является утверждение о трансформации предпринимателей в какой-то новый класс. Пробуржуазные теоретики фиксируют внешне очевидное, но обходят суть дела. Так, например, они отмечают, что значительная часть нынешних рабочих живет гораздо лучше, чем сто лет назад, а значит, нет и необходимости в революциях. Вместе с тем умалчивается, что никакое улучшение материального существования рабочего не уничтожает неравенство, эксплуатацию и угнетение одних людей другими, паразитирование одних на труде других. Также скрывается, что само полученное улучшение идет не от капиталиста, а наперекор ему, не в соответствии с природой капитализма, а вопреки ей. Те или иные улучшения положения рабочих происходили и происходят, прежде всего, благодаря непрерывной борьбе пролетариата направленной против капитала, против его природы, против постоянного его давления на труд,

что находит своё подтверждение в ежегодных побоищах профсоюзных демонстраций «за болотную копейку» с полицией во всех развитых странах мира. То есть все нынешние улучшения положения пролетариев, даже обусловленные потребностями самого капиталистического производства, не даруются капиталистами, а выбиваются в жестокой борьбе с ними самими пролетариями. Существенно и то, что их положение улучшается не потому, что того хочет капиталист, а потому, что ему нужен работник определенного качества, чтобы производство двигалось вперед.

Маркс писал, как бы ни улучшалось материальное существование рабочего, оно не уничтожает противоположности между его интересами и интересами буржуазии, интересами капитала. Это положение входит в существо всеобщего закона капиталистического накопления, который является объективной основой вызревания решимости пролетариата совершить тот общественный переворот, который раз и навсегда положит конец капиталистической эксплуатации.

Другим направлением буржуазных извращений относительно пролетарского класса является попытка опровергнуть само его существование. Предвзято и поверхностно обыгрывая естественный ход общественного развития, буржуазные идеологи делают вывод об исчезновении рабочих из производства с заменой их машинами и превращением в интеллигенцию. Тем самым якобы подрывается основополагающее положение марксизма о рабочем классе, как могильщике капитализма. Нет класса, нет могильщика. И здесь нынешние коммунисты пасуют перед буржуазной выдумкой. На деле же получается, что промышленные пролетарии расчленяются на две составные части, на как бы два класса. Одна, как работающая головой, другая, как работающая физически. При этом собственно к пролетарскому классу почему-то относят только вторых. Подобное разделение характерно для средневекового ремесленничества, но абсолютно не соответствует современному высокотехнологичному производству, представляющему собой единый цельный многогранный и многообразный процесс, который осуществляют ему соответствующие разнообразно образованные и специализированные работники. Только все вместе сообщая, единым цельным коллективом они способны осуществлять производство, производить некую продукцию. Поэтому разделение их на отдельные самостоятельные составляющие сообразно, к примеру, расчленению человека на голову и руки. Исходя из этого отно-

шения к производству и производимому продукту они объединяются в неделимый класс эксплуатируемых производителей, класс пролетариев, единый и цельный, но повторяем, класс наёмных рабов.

Современное производство предъявляет все большие требования, как к квалификации, так и к общему уровню подготовки рабочих. Потому естественно, что структура армии наемного труда все более изменяется в сторону роста удельного веса работников с высокой степенью образованности. Обратим внимание, что и в данном случае, рост образовательно-интеллектуального уровня рабочих обусловлен не заботой о том капиталиста-хозяина, но потребностями собственно производства, вынуждающего капиталистов готовить кадры соответствующего качества. Особо выделяются специалисты высшей квалификации, т.е. промышленный инженерно-технический состав. Тем не менее, они не могут быть причислены к интеллигенции и, фактически, остаются составной частью пролетариата, лишь с более аристократическими интеллектуальными, а отсюда бытовыми и культурными, качествами и потребностями. С этой позиции, по существу, и нянечка в производственной поликлинике, и повар из заводской столовой, и канцелярский клерк, обеспечивающие единый производственный процесс, равно как всякий токарь у отдельного станка, являются членами одного общественного эксплуатируемого коллектива, объединяемого и формируемого общим производственным процессом, материальными и духовными запросами. С некоторыми оговорками сюда же можно отнести и наемных менеджеров крупных кампаний, которые являют собой некую пролетарскую аристократию, пока их не вышвыривают по сокращению штатов. Таким образом, фактически складывается особая самостоятельная производственно-классовая коллективность класс наёмных работников. Это находит своё отражение в ленинском определении признаков классов, формирование которых обуславливается по их отношению к средствам производства, по их месту в системе общественного производства и роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Значимо то, что подобная производственная коллективность присуща не только какому-то отдельному производству, у отдельного капиталиста, но является свойственной всему обществу. Ибо с одной стороны, собственно производственный процесс в опреде-

ляющих положениях везде одинаков, а с другой - основные отношения между трудом и капиталом всюду одни и те же и политическое господство имущих классов над классами эксплуатируемыми существует повсюду, что организует и спланирует работников всего общества.

С расширением общественного производства последовательно будет расширяться и спланиваться, переступая через противодействие отживающих классов, всеобщественная коллективность трудящихся. Все большая масса населения будет вовлекаться в общие производительные процессы и охватывать все больше, шире, разнообразнее людей. Общим трудом соединяя их в ассоциацию, которая идет на место буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями и при которой свободное развитие каждого будет условием развития всех. Таким образом, все вместе они и есть современный пролетарский класс, выросший, развившийся и изменившийся. Потому сейчас речь надо вести не об его исчезновении, а, напротив, об его увеличении и усилении, количественном и качественном.

С появлением марксизма и политических организаций взявших его за руководство к действию, этот ход становится все более управляемым, ускоряемым и оптимизируемым, что было продемонстрировано в сталинские годы СССР, которые показали, как революционные пролетарии, взявшие под свой контроль условия общественного развития и движения, предоставляемые до того власти случая, создали не только новую передовую производительную систему, но и новую коллективность индивидов – советский народ, где каждый вносил свой личный труд в общее дело и тем обеспечивал как собственное существование, так и существование всех прочих членов общества.

Еще одним принципиально значимым является вопрос о якобы «самоликвидации» частной собственности. В данном случае буржуазная выдумка опирается на внешнее проявление конкретного факта отделения капитала-собственности от капитала-функции. Хотя еще Маркс отмечал, что в акционерных предприятиях обнаруживается тенденция все более отделять труд по управлению капиталом от владения капиталом. В свою очередь Ленин указывал, что капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству. В наше время эти процессы достигли громадных размеров и переросли в отделение собственности на капитал от управления

функционированием капитала вообще, как в сфере производства, так и в сфере обращения. Дело в том, что управление современными акционерными компаниями чрезвычайно усложнилось в силу их гигантских размеров и технического прогресса, что обуславливает необходимость роста компетенции и профессионализма управляющих ими и, как следствие, насыщение специалистами всех уровней управления.

Основываясь на этом неоспоримом факте, буржуазные идеологи утверждают, что в связи с усложнением управления производством руководство им перешло от капиталистов к специалистам — управляющим, менеджерам и т.п. Исходя из этого, делают вывод, что раз управление находится в руках менеджеров и некой администрации, то значит и контроль над производством и вообще всей экономикой переходит к ним же. В связи с этим якобы меняются и мотивы деятельности предприятий. Если хозяин-капиталист действовал во имя прибыли, то современный менеджер, якобы, движим уже мотивом социальной ответственности и направляет свои помыслы в сторону социального благоденствия. В результате общество, которое прежде было действительно капиталистическим, теперь, якобы, трансформируется в новую социальную структуру, где господствующим классом становится новая социальная группа — менеджеры. То есть, капитализм якобы вступил в новую стадию, определяющей чертой которой является смена власти собственников властью менеджеров, а руководящим принципом не максимизация прибылей, а экономические интересы общества.

Действительность отвергает эти буржуазные выдумки и изменение форм управления предприятиями не означает изменения их социальной природы. Как бы ни была велика роль менеджеров, но их деятельность целиком подчинена интересам действительных собственников предприятий, т.е. владельцев контрольных пакетов акций, банков-кредиторов, страховых компаний-инвесторов, в конечном счете, финансовых магнатов. Менеджеры осуществляют лишь управленческую деятельность, как наемные полно-

мочные представители олигархов. Вместе с тем переход производственных предприятий в руки акционерных обществ и в государственную собственность, а управление ими в руки специалистов, доказывает ненужность капиталистов для целей современного развития, т.к. все их общественные функции теперь выполняются наемными служащими и вся деятельность сводится лишь к загребанию доходов. Мало того, что они не имеют никакого отношения к процессу производства, но даже присвоением капиталов занимаются в самой паразитической форме — в форме получения дивидендов и процентов по акциям и облигациям. Таким образом, класс капиталистов вытесняется в разряд объективно излишнего социального слоя. Так что и по этому вопросу у коммунистов не может быть никаких причин для уныния.

Несколько слов о собственно капитале. Дело в том, что для многих сегодня капитал ассоциируется



лишь с собственностью отдельных лиц, а потому, зачастую, отождествляется с собственностью личной. Эта внешне видимая сторона сбивает с толку неподготовленного обывателя и приводит его к представлению о незыблемости и вечности капитала.

Однако, если доселе личная инициатива подстегивала производство и вынуждало людей работать на пределе их возможностей, то в настоящее время стихийная личностная инициатива вносит сбой в общественное воспроизводство. Гигантски разросшийся капитал в руках индивидуальных владельцев стал преградой развитию человечества, ибо создает, с одной стороны, противоречие, фактически антагонистическое, между частными интересами собственника и интересами общества, т.е. масс людей, в целом, а с другой — стал непомерно велик для частно-буржуазных отношений собственности.

Наиболее ярким проявлением этого положения являются периодические экономические кризисы, во время которых, каждый раз, не только прекращается обращение товаров, но уничтожается значительная часть изготовленных продуктов и даже созданных производительных сил. В

марксизме такое положение определяется как несоответствие способа производства имеющемуся уровню производительных сил, которым становится тесно в рамках существующих отношений производства и обмена. В данном случае капитал перестает служить развитию общества и все более уходит на обслуживание личных прихотей и причуд своих владельцев, бессмысленно расходуя при этом огромные материальные средства и расточительно растрачивая рабочую силу многих людей. На известной ступени развития экономическая коллизия достигает такой высокой точки, когда объективно развивающиеся производительные силы восстают против сковывающих их пут и тем приводят в расстройство все буржуазное общество.

Наглядным примером такой тенденции является переход производственных предприятий в руки акционерных обществ и в государственную собственность. Однако это лишь суррогат механизма общественного управления, функционирование которого укладывается в капиталистические отношения. Ибо вместе с общественной организацией производства внутри предприятий, рядом с ней и над ней, продолжает существовать анархия производства в мировом сообществе.

Понятно, что на первых порах социалистического, т.е. уже общественного, хозяйствования капитал какое-то время будет продолжать выполнять своиственные ему функции, поскольку невозможно разом изменить весь порядок жизни некими декретами. При этом, естественно, будет использоваться отработанная при капитализме финансово-денежная система. Однако уже не под контролем капиталистов и в их корыстных интересах, а под государственным общественным управлением, когда движение капитала будет направляться пролетарским государством в интересах трудящихся масс. Показательным примером такого управления с использованием финансово-денежной системы в интересах социалистического развития является НЭП сталинского периода в СССР, когда Сталин теоретически обосновал возможность и практически показал реальность изжития капиталистических товарных отношений заменой товар-

ного обращения системой продуктообмена. Такое изжитие проводилась через последовательное сужение сферы товарного обращения и перевода, путем постепенных переходов, все большего количества товаров в качество продуктов.

Суть в том, что при социализме, после упразднения частной собственности на средства производства и их обобществления, большая часть промышленной продукции обращается внутри общества и при обороте собственника не меняет. В таком случае, любые стоимостно-рыночные трансформации попросту лишаются смысла - самим производить и продавать самим же себе, чтобы опять производить, есть бессмыслица. Потому на смену рыночным эквивалентам для обмена были поставлены соответствующие новым условиям обменные принципы и критерии оценки производимой про-

дукции, исходящие лишь из ее полезности обществу и учетности затрат. В то же время, поскольку в стране сохранялся целый класс мелких собственников – крестьян, и продолжал действовать принцип распределения «по труду», то было применено разделение всей производимой продукции на 2 категории – общественно-государственную и рыночную.

Разделение производимой продукции на две категории является не только данью объективным обстоятельствам, но и непосредственно соответствует требованиям решения стратегической задачи социалистического периода по уничтожению товарно-рыночных отношений, прежде всего, посредством ее

резко и значительно сужается сфера товарного обращения, поскольку из нее выводится наиболее стоимостная, в силу технологической сложности и емкости, промышленно-сырьевая продукция. На практике это, главным образом, осуществляется путем последовательного снижения потребительских цен и полной ликвидации стоимостных качеств продукции, т.е. путем установления прямого снабжения потребителей всеми необходимыми им продуктами и благами, что, в конечном итоге, позволит некоему центральному общественно-экономическому органу охватить всю продукцию общественного производства в интересах общества и таким образом



устранить товарное производство вообще, заменить его всесторонним, полноценным продукто-обеспечением каждого члена общества «по потребностям».

Политика снижения цен является одним из решающих способов для выполнения этой задачи. Возможности ее практической реализации предоставляют условия социалистических общественных отношений - обобществленное производство, способность планирования и централизованного регулирования, общественное самоуправление. Снижение потребительских цен не благодеяние социалистического государства, но форма его экономической деятельности, форма получения ассоциированным собственником дохода от ведения хозяйства. Форма свойственная исключительно социализму, форма эффективная, массовая, справедливая, выгодная большинству общества. В то же время это способ последовательного выведения из сферы товарного обращения потребительской продукции, постепенный перевод ее из качества товаров в качество продуктов. Таким образом, по мере и вслед за ростом производственного потенциала страны, происходит ликвидация потребности в рыночном наличном обращении и вообще в товарных отношениях, т.е. прямо решает общую стратегическую задачу социалистического периода - изжитие товарных отношений и переход от распределения «по труду» к распределению «по потребностям». Не подлежит сомнению, что именно эти приемы, найденные и разработанные у нас в советское время, являются основными, единственно возможными и целесообразными для коммунистического развития любой страны с недостаточно индустриализированной экономикой.

И поэтому, тоже, поводов для уныния у сторонников коммунистического мировоззрения нет. Напротив, есть все основания для оптимизма и уверенного взгляда в будущее. Марксистско-ленинская наука развития общества, является логическим обобщением практического опыта людей — их взаимоотношений, их борьбы за преследуемые ими цели и позволяет не только объяснить

действительность, но и дает возможность людям ее изменять, т.е. творить свою жизнь по своим представлениям. Поэтому коммунистам надо не сомневаться, а засучить рукава и решительнее пускать бесценный капитал этих знаний в политическую практику наперекор всем уловкам буржуазии расширять фронт тех общественных сил, которые все активнее включаются в борьбу против засилья монополий, за социальный прогресс, за революционный переход от капитализма к социализму, стать их руководителем и авангардом.

По сути, само обоснование социалистической теории заключается в условиях существования пролетариата, а значит, для того чтобы трудовой народ осуществил необходимые революционные преобразования, ему требуется простое выяснение его положения в общей системе капиталистических отношений, выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. В борьбе с классом капиталистов пролетарский класс неизбежно приходит к сознанию необходимости полного переустройства всего общества, полного уничтожения всяких форм нищеты и всякого угнетения, т.е. к социализму.

Несмотря на все ухищрения буржуазной пропаганды, массы людей, эксплуатируемые и подавляемые капиталом, угнетаемые властными проходимцами, терроризируемые криминальными бандами, способны не только усвоить и принять коммунистические идеи, но и осуществить их на деле. Идеи советской и социалистической организации жизни просты, честны, человечны, справедливы, они присущи, а потому приемлемы, всем пролетарским классам, слоям, группам, всем кто живет своим трудом, а потому, в конце концов, будут ими осуществлены. Октябрьская революция на практике показала, как революционное движение, когда оно действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные массы, когда оно дает им сознание того, что они борются за свое освобождение, вызывает у них невиданную энергию и способность творить чудеса.

Апрель 2017



Редакция журнала « П р о р ы в » :

Мартынов Ю.М.,
(главный редактор),

Подгузов В.А.,

Петрова О.Б.,

Лбов А.В.,

Новак В.Т.,

Федотов Н.

**Кандидаты
в состав
редакции:**

Грано И.,

Смагин Г.,

Советский И.

Н а ш и к о н т а к т ы :

Почтовый адрес :

109378, г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79, Петровой О.Б.

Электронные адреса:

petrova@proriv.ru,

kohet@list.ru

Телефоны:

(495) 378-37-59 Петрова О. Б.

Редакция работает на общественных началах.

*Рукописи редакцией не рецензируются,
не редактируются, не корректируются
и не возвращаются.*

Цена свободная. Тираж 800.

Объем 54 стр. формата А4.

Подписано в печать 25.04.17.

Дата выхода в свет 01.05.17.

Посетите наш
сайт в Интернете
www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках:
экономика, политика,
философия, этика, история,
военные вопросы, рецензии и
критика, политическая
публицистика, юмор, а также
большую подборку
коммунистической музыки,
коллекцию ссылок на
марксистские издания и
библиотеки, листовки по
актуальным вопросам,
исторические документы и
исследования.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра журнала с учетом почтовых расходов 60 рублей.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г.
Учредитель Петрова О.Б.

Адрес редакции и издателя: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.

Адрес типографии: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.